

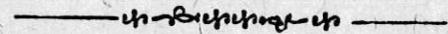
Д 260
758

Шарль Рише.

801-14
249

Я ДЫ,

дѣйствующіе на сознаніе.

(Алкоголь, хлороформъ, гашишъ, опиумъ и кофе).

Изданіе П. Ковалева и Н. Осиповича.

Цѣна 40 коп.

КРЕМЕНЧУГЪ.
Типографія М. И. Апатова.

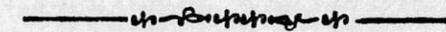
1900.

Шарль Рише.

Я Д Ы,

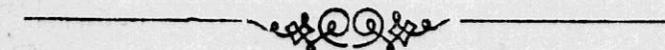
дѣйствующіе на сознаніе.

(Алкоголь, хлороформъ, гашишъ, опиумъ и кофе).

Изданіе П. Ковалева и Н. Осиповича.

БРЕМЕНЧУГЪ.

Типографія М. И. Апатова.

1900.

821/128
120

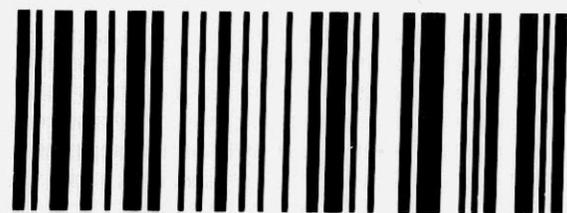
I.

Алкоголь, хлороформъ, гашишъ, опиумъ и кофе.

Ничто не способствуетъ такъ знакомству съ жизненными явленіями, какъ изученіе разстройствъ, производимыхъ различными ядами на органическія отправления. Въ сущности, понятіе слова ядъ должно быть значительно расширено: ядъ не есть всегда смертоносное и губительное вещество, какъ можно было бы думать, судя по обиходному употребленію слова; напротивъ, всѣ лѣкарственные вещества ядовиты и на оборотъ. Опиумъ, представляющій замѣчательное лѣчебное средство является въ то же время страшнымъ ядомъ. Алкоголь, введенный въ организмъ въ небольшомъ количествѣ, дѣйствуетъ благотворнымъ образомъ, возбуждаетъ дѣятельность пищеваренія; въ большихъ же дозахъ — производитъ серьезныя разстройства, послѣдствіемъ которыхъ нерѣдко бывала смерть: вотъ почему было бы весьма затруднительно отдѣлить классъ лѣкарствъ отъ класса ядовъ. Клодъ Бернардъ опредѣляетъ ядъ, какъ вещество, которое не можетъ ни входить въ составъ крови, ни проникать въ организмъ,

Печатать дозволено Московской цензурой, 15 Января 1900 г.

26168-0

2011094466

не причиняя ему болѣе или менѣе продолжительныхъ разстройствъ. Это ясное и точное опредѣленіе позволитъ намъ установить различіе между ядомъ и пищей. Пища—усваиваемое вещество, которое въ данный моментъ должно сдѣлаться составной частью нашей крови или нашей ткани; ядъ, напротивъ, долженъ быть выдѣленъ, удаленъ изъ организма; если онъ и можетъ оказаться въ крови, то лишь случайно. Яйцо—пища, потому что вещества, содержащіяся въ яйцѣ, будутъ усвоены организмомъ и войдутъ въ кругъ кровообращенія; но, дать больному немного рвотнаго, значитъ дать ему яду, потому что рвотное необходимо будетъ выдѣлено, такъ какъ организмъ не выноситъ его присутствія въ крови. Какъ бы то ни было, дѣйствіе рвотнаго какъ лѣкарства, и какъ яда одно и то же; первое тотъ же ядъ, принятый въ слабой дозѣ. Итакъ, очевидно, различіе между лѣкарствомъ и ядомъ чисто искусственное и должно быть изгнано изъ употребленія въ научномъ языкѣ.

Такимъ образомъ, изученіе ядовъ также полезно для врача, какъ и для фізіолога. Врачу, желающему излѣчить органы, которые плохо работаютъ, оно указываетъ какъ дѣйствуютъ вещества, которыя онъ думаетъ употребить, такъ что токсикологія или ученіе о ядахъ есть ничто иное какъ экспериментальная терапія или лѣченіе болѣзней опыт-

нымъ путемъ. Нѣкогда, во времена Орфила, опыты надъ ядами имѣли въ виду исключительно уясненіе наиболѣе сложныхъ вопросовъ легальной медицины. Теперь эти изслѣдованія служатъ медицинѣ во всемъ ея объемѣ. Еще Клодъ Бернаръ сказалъ: здоровый и больной органъ не работаютъ различно, и дѣйствіе яда, какъ яда, на здоровый организмъ можетъ стать цѣлебнымъ дѣйствіемъ на организмъ больной.

Большой шагъ впередъ былъ сдѣланъ въ тотъ день, когда попытались ограничить роль ядовъ дѣйствіемъ на одинъ какой-нибудь органъ или одну какую-нибудь ткань. Въ настоящее время такое стремленіе кажется намъ вполне естественнымъ и, ничего не можетъ быть проще желанія изслѣдовать, дѣйствуетъ-ли такое-то вещество специально на кровь, или на мускуль, или на мозгъ; а между тѣмъ такое изслѣдованіе, которое казалось бы должно было бы быть первымъ шагомъ токсикологіи, впервые возникло какихъ-нибудь 40 лѣтъ назадъ; можно утверждать, что отправнымъ пунктомъ его была прекрасная монографія Клода Бернара о курарѣ. И въ самомъ дѣлѣ, прежде, вмѣсто того чтобы разобрать отправленія органовъ и тканей, обращали главное вниманіе на результатъ ихъ совокупной работы. Во всѣхъ фізіологическихъ явленіяхъ старались видѣть

результатъ спеціальной силы, дѣйствующей на органы, и всѣ свойства этихъ органовъ называли жизненными свойствами. Въ настоящее время, кому же придетъ въ голову поддерживать это ученіе? Начало жизни ни одно, оно распространяется на всѣ живыя части, и никто не пожелалъ бы воскресить теорію старой школы Монпелье, которая допускала существованіе жизненной силы, управляющей всѣми органическими функціями. Живое существо состоитъ изъ живыхъ органовъ, которые могутъ отдѣльно умирать. Эти органы составлены изъ тканей, эти ткани образованы изъ клѣточекъ, и всѣ эти составныя части могутъ исчезать послѣдовательно причемъ гибель одной не влечетъ за собой неизбежной смерти другой. Возьмемъ примѣръ, который объяснить намъ это положеніе. При сжиганіи угля, въ закрытомъ со всѣхъ сторонъ пространствѣ, образуется ядовитый газъ, окись углерода. Отъ этой окиси углерода умираютъ несчастные, которые, желая покончить съ собой, жгутъ уголь въ плотно закрытой комнатѣ. Окись углерода дѣйствуетъ особеннымъ образомъ на отдѣльный анатомическій элементъ, на красные шарики крови, и всѣ симптомы смерти отъ дѣйствія окиси углерода являются послѣдствіями отравленія крови. Это означаетъ, что кровь умираетъ раньше другихъ тканей и, если эти послѣднія въ концѣ концовъ тоже

умираютъ, то только отъ того, что лишаются живой крови необходимой для ихъ собственнаго существованія. Такимъ образомъ, смерть отъ кровотечения представляетъ тѣ же явленія, что и смерть отъ угара, и въ обоихъ случаяхъ въ отравленномъ животномъ можно вызвать вновь всѣ видимыя жизненныя проявленія, возстановляя въ его организмѣ кровь, которой лишилось въ первомъ случаѣ и которая во второмъ случаѣ стала непригодной для поддержанія жизни. Физиологическій анализъ пошелъ еще дальше; узнали не только, что кровь была отравлена, но даже опредѣлили какая именно часть крови поражена, причемъ оказалось, что этой частью были красные кровяные шарики и въ этихъ шарикахъ, именно, то вещество, которое химики назвали *гемоглобиномъ* и которое принимаетъ изъ воздуха кислородъ и отдаетъ его тканямъ. Конечно, было бы желательно, чтобы мы имѣли обо всѣхъ ядахъ такія же точныя свѣдѣнія, какими мы располагаемъ относительно окиси углерода. Къ несчастью; еще далеко до этого. Мы знаемъ, что кровь, мускулы, нервы, спинной мозгъ, обладаютъ свойствами, которыя уничтожаются или извращаются подъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ ядовъ, но наши знанія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ идутъ далѣе этого первоначальнаго опредѣленія мѣста. Здѣсь я попытаюсь изслѣдовать яды, которые дѣй-

ствують на извѣстную часть организма,— безпорно, одну изъ самихъ благородныхъ частей: на органъ сознанія—на головной мозгъ. Но я не буду стараться точно опредѣлить мѣсто, гдѣ происходитъ это отравленіе... Мѣстонахожденіе умственныхъ органовъ не настолько хорошо опредѣлено, чтобы явилась возможность приступить къ какому-либо другому изученію, кромѣ изученія симптомовъ. Посмотримъ-же, каковы симптомы отравленія сознанія? Быть можетъ подобное изслѣдованіе будетъ столько же полезно философамъ, сколько и физиологамъ, такъ какъ связь между физическимъ и моральнымъ такъ тѣсна, что изученіе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности представляетъ значительныя неудобства.

Это маленькое введеніе было необходимо, чтобы пояснить, что, именно, мы подразумѣваемъ подъ словами *яды, дѣйствующіе на сознаніе*. Мы не хотимъ этимъ сказать, что какой-нибудь ядъ дѣйствуетъ исключительно на сознаніе, не перенося своего дѣйствія на другіе органы и другія отправления: мы подразумѣваемъ подъ этимъ только то, что онъ производитъ свое дѣйствіе первоначально на мозгъ. Что если позже и другія отправления разстраиваются, то это нисколько не измѣняетъ его свойства въ самомъ началѣ поражать умственныя способности. Такимъ обра-

зомъ, это не исключительное, но лишь преобладающее его дѣйствіе, такъ какъ по отношенію къ физиологическимъ эффектамъ нѣтъ безусловной классификаціи и всякое строгое разграниченіе неизбежно явится произвольнымъ и несвободнымъ отъ ошибки. Такъ, въ уже приведенномъ примѣрѣ въ послѣдній періодъ отравленія окисью углерода появляются безпорядочная дѣятельность мозга, бредъ и другія симптомы извращенія сознанія; но эти расстройства бывають только дальнѣйшимъ слѣдствіемъ полного отравленія крови; отравленія мозга, лишенаго живой крови разстраиваются и, какъ наблюдается бредъ при анеміи мозга—слѣдствіе сильнаго кровотеченія, точно также наблюдается расстройство сознанія, производимыя отсутствіемъ живой и окисленной крови—слѣдствіе отравленія крови окисью углерода. По этому, окись углерода не—ядъ, дѣйствующій на сознаніе, а ядъ, дѣйствующій на кровь, а затѣмъ на мозгъ и то потому, что прежде всего дѣйствовалъ на кровь. Съ другой стороны существуютъ нѣкоторыя тѣла, которыя прежде всего разстраивають мозговья отправления: таковы, на примѣръ алкоголь, хлороформъ. Прежде чѣмъ явиться расстройство какого-нибудь отравленія въ какомъ либо иномъ мѣстѣ, сознаніе уже поражено,—сознаніе или чувствительность, что одно и то же. Ни въ мускулахъ, ни въ крови, ни въ

сердцѣ, ни въ легкихъ нѣтъ еще ничего, есть только дѣйствіе яда на умственные способности, дѣйствіе обнаруживающееся въ опьяненіи и бредѣ. Правда позже, когда отравленіе пойдетъ дальше, сердце, желудокъ, мускулы подѣ конецъ отражаютъ на себѣ расстройства нервнаго центра, но эти расстройства только вторичныя, и алкоголь также какъ и хлороформъ, какъ эфиръ, гашишъ, опиумъ и кофе — яды, дѣйствующіе именно на сознаніе.

Мы, впрочемъ, не должны изумляться тому, что ядъ, извращающій сперва сознаніе въ концѣ концовъ переноситъ свое дѣйствіе на другія отправления. Въ самомъ дѣлѣ, центральная нервная система, являющаяся въ данномъ случаѣ органомъ, пораженнымъ ядомъ, руководитъ почти всѣми важнѣйшими жизненными отправлениями и, являясь органомъ сознанія, представляется вмѣстѣ съ тѣмъ органомъ, который вызываетъ движеніе мускуловъ и завѣдуетъ отправлениями сердца, кишечника и выдѣлительныхъ железъ, разсѣянныхъ въ организмѣ. Итакъ, среди ядовъ, дѣйствующихъ на центральную систему, есть такіе, которые дѣйствуютъ на такое то отравленіе ранѣе, чѣмъ на другое и, однако, въ послѣдній періодъ ихъ дѣйствія всѣ эти отправления, въ концѣ концовъ, оказываются глубоко разстроеными. Такъ, хлороформъ,

который прежде всего угнетаетъ волю, память и чувство т. е. разстраиваетъ отправления головного мозга, подѣ конецъ парализуетъ дѣятельность сердца и органовъ дыханія т. е. спинной мозгъ, тогда какъ стрихнинъ дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи, сначала на спинной мозгъ, а потомъ на головной. Точно также рвотное дѣйствуетъ на желудокъ только черезъ посредство нервной системы; если перерезать блуждающіе нервы, которые идутъ отъ спиннаго мозга къ желудку, то послѣдствія отравленія рвотнымъ прекратятся и въ то же время сознаніе останется непораженнымъ, если рвотное дано въ слабой дозѣ, такъ какъ въ сильной дозѣ оно дѣйствуетъ сперва на сердце, а потомъ на сознаніе.

Такимъ образомъ, существуютъ яды, дѣйствующіе на центральную нервную систему, которые производятъ свое дѣйствіе на различныя части этой ткани. Отличая въ нервной системѣ три главныхъ отправления: сознаніе, которое зависитъ отъ головного мозга, произвольныя движенія, зависящія отъ спиннаго мозга и органическія движенія сердца, кишечника и железъ, находящіяся въ зависимости отъ продолговатаго мозга, промежуточнаго между спиннымъ и головнымъ, мы должны будемъ раздѣлить яды на дѣйствующіе прежде всего на ту или другую изъ

этихъ частей, а слѣдовательно, и на отравленія, зависящія отъ нея, но въ послѣдствіи переносящія свое дѣйствіе на всѣ части нервной системы. Мы будемъ разсматривать здѣсь только яды, дѣйствующіе сперва на головной мозгъ и разстраивающіе умственные отравленія. Мы не будемъ стараться опредѣлить, почему они дѣйствуютъ такимъ образомъ, такъ какъ способъ ихъ дѣйствія еще не извѣстенъ. Достоверно, что ядъ переносится къ мозгу кровью, и что ближайшее дѣйствіе крови, зараженной ядовитой матеріей, на нервныя клѣточки извилинъ, производитъ въ нихъ измѣненія, ведущія къ разстройству мышленія; но каково это дѣйствіе? Химическое-ли это соединеніе яда съ клѣточками? Механическое-ли это разстройство въ мозговой циркуляціи? Вотъ чего мы рѣшительно не знаемъ и, что позднѣйшіе опыты когда нибудь, можетъ быть, объяснятъ намъ. Однако, прежде чѣмъ знать „почему“ легко узнать „какъ“ и, если мы не знаемъ конечной причины отравленія мозга, то, по крайней мѣрѣ, можемъ изучить его результаты и симптомы.

II.

Ученіе о ядахъ, дѣйствующихъ на умственные способности, представляетъ интересъ не только съ фізіологической и психологической точки зрѣнія, оно также имѣетъ значительный соціальныи интересъ. И въ

самомъ дѣлѣ, во всѣхъ странахъ, во всѣ времена, человѣкъ, какъ будто не довольствуется состояніемъ своего сознанія, и старается возбудить его дѣятельность при помощи ядовитыхъ веществъ. Но всякое отравленіе нервной системы тѣмъ и характеризуется, что ядъ, прежде чѣмъ отравить, — возбуждаетъ, и этого-то возбужденія человѣкъ ищетъ съ рвеніемъ, со страстью. Разъ это возбужденіе вошло въ привычку, она вкореняется до такой степени, что ея уже ничѣмъ нельзя побороть. Она представляетъ истинную соціальную опасность, какъ для Китайцевъ и Индусовъ, предающихся куренію опиума, такъ равно и для Европейцевъ, упивающихся алко-големъ.

Алкоголь, какъ извѣстно, представляетъ собою результатъ броженія сахара. Всякій подсахаренный настой, предоставленный самому себѣ, подвергается броженію, давая въ результатъ алкоголь и угольную кислоту; такимъ образомъ, всѣ перебродившіе подсахаренные настои — спиртуозные напитки. Въ общемъ, всѣ симптомы, производимые этими напитками всегда почти одни и тѣ же. Хотя эти симптомы были извѣстны во всѣ времена, они рѣдко служили предметомъ систематическаго изслѣдованія и, пожалуй, лишь среди разрозненныхъ наблюденій романистовъ и драматурговъ, можно найти остроумныя и

тонкія замѣчанія, касающіяся опьяненія и его послѣдствій.

Первымъ результатомъ отравленія алко-големъ, является чувство внутренняго удовольворенія, какъ бы состояніе блаженства, въ высшей степени пріятное. Въ этотъ моментъ кажется, что мысли проясняются, будто всѣ трудности и препятствія исчезаютъ; все представляется, говоря обыденнымъ языкомъ, въ розовомъ свѣтѣ: чувствуется полное довольство жизнью. Если продолжать пить, умственное возбужденіе растетъ и выражается въ разнообразныхъ формахъ; всѣ эти формы можно резюмировать однимъ словомъ: *геперидіація*, т. е. преувеличеніе идей

Геперидіація опьяненія въ первомъ періодѣ представляетъ явленіе весьма любопытное и интересное. Очень опасно однако слишкомъ часто наблюдать его на самомъ себѣ. Въ этомъ состояніи проявляется изобиліе идей всякаго рода: идей веселья, славы, своеволия, идей грустныхъ, воинственныхъ, которыя весьма быстро смѣняются одна другой. Характерной чертой является ихъ неумѣренность: кажется, будто чувство мѣры утеряно сознаниемъ; всѣ рамки исчезли, все преувеличено. Моральныя силы кажутся удесятеренными, человѣкъ чувствуетъ себя способнымъ все сдѣлать, за все взяться, а тѣмъ временемъ новыя идеи слѣдуютъ одна за

другой; мысль объ одномъ предпріятіи смѣняется мыслью о другомъ, третьемъ и т. д. Всѣ онѣ не выполнимы, но всѣ улыбаются намъ мимоходомъ: можетъ быть въ числѣ ихъ есть и разумные, — нѣкогда на нихъ останавливаться, это безпрерывное мельканіе, нѣчто въ родѣ фантазмагоріи болѣе или менѣе соблазнительной, но не оставляющей времени для выбора. Легко понять, что въ этомъ состояніи у человѣка не можетъ быть тайнъ; онъ становится сообщительнымъ и благоросположеннымъ. Даже при слабой степени опьяненія обнаруживается эта потребность въ изліянїяхъ, въ дальнѣйшихъ же степеняхъ нѣтъ уже такого секрета, который могъ бы противостоятъ этой потребности. Какъ сусло, кипящее въ сосудѣ, гонитъ вверхъ все, что есть на днѣ его, такъ и вино выбрасываетъ наружу самыя интимныя тайны тѣхъ, которые выпили его безъ мѣры. Геперидіація, въ сущности, — только избытокъ воображенія, и часто это состояніе, характеризуемое выраженіемъ „душа на распашку“ проявляется другимъ способомъ: остроумными замѣчаніями, забавными шутками, экцентричными выходками. Нѣкоторые писатели, какъ кажется могли только работать въ такомъ состояніи возбужденія, что придаетъ ихъ произведеніямъ отпечатокъ какой-то искусственной оригинальности. Часто въ опьяненіи, среди этого потока идей, вдругъ

появляется одна мысль, происхождение которой невозможно объяснить ассоціаціей представлений, мысль, которая ничего не имѣетъ общаго съ предшествующими и которая держится съ непоколебимымъ постоянствомъ. Она то и дѣло возвращается снова среди прочихъ мыслей, подобно тому, какъ въ музыкальной піесѣ безпрерывно повторяется одна и та же тема съ окружающими ее модуляціями и вариациями.

Такимъ образомъ въ началѣ опьяненія мы находимъ двѣ особыя характерныя черты: съ одной стороны быстрая смѣна, а съ другой упорное постоянство идей. На первый взглядъ кажется, будто существуетъ разногласіе между этими двумя формами умственного возбужденія, а между тѣмъ, если тщательно изслѣдовать механизмъ сознанія, легко убѣдиться, что это не такъ. Въ нормальномъ состояніи всѣ способности: воображеніе, сужденіе, память, ассоціація представлений управляются другой, высшей способностью — вниманіемъ. Вниманіе или воля это самъ человѣкъ: это мое я, владѣющее всѣми ресурсами, которыми оно распоряжается, беретъ ихъ, гдѣ и когда хочетъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ такое употребленіе, какое ему нравится. И вотъ, при опьяненіи, уже въ самомъ началѣ, воля и вниманіе исчезли. Остались только воображеніе и память, которыя будучи предоста-

влены самимъ себѣ, безъ руководителя и проводника, вызываютъ самые неожиданные эффекты. То идея, отъ которой нельзя избавиться, то идея, которой нельзя удержать, т. к. нѣтъ вниманія одинаково предназначеннаго отбрасовать однѣ и фиксировать другія идеи.

Такимъ образомъ постоянная идея также какъ и мимолѣтная происходитъ отъ недостатка вниманія, являющагося въ обоихъ случаяхъ послѣдствіемъ отравленія головного мозга кровью, содержащей алкоголь. Поэтому, хотя въ началѣ опьяненія и кажется, что способность къ работѣ увеличилась, но, если находящійся въ этомъ состояніи дѣйствительно захочетъ работать, онъ вскорѣ почувствуетъ себя неспособнымъ собраться съ мыслями и сосредоточить свое вниманіе; обманчивая плодовитость, которой онъ вообразилъ себя одареннымъ, на дѣлѣ обратится въ немощь, противъ которой онъ не въ силахъ бороться. Иногда, однако, по случайности, а можетъ быть и по привычкѣ произвольно устанавливается мысль, и именно та, которую онъ хочетъ развить. Такое счастливое совпаденіе можетъ заставить его думать, что его вниманіе уцѣлѣло, но это заблужденіе, такъ какъ онъ былъ бы не въ силахъ не въ состояніи заняться какой нибудь другой работой. Такимъ образомъ первое

дѣйствиѣ опьяненія характеризуется потерей вниманія, возбужденіемъ воображенія и ослабленіемъ способности сужденія. Интересно какъ поэты и романисты очертили этотъ періодъ отравленія алькоголемъ.

Дядя Ванъ-Бюкъ, въ одной притчѣ Миссэ, Птоломей и Грантеръ въ „Отверженныхъ“, ведутъ странныя рѣчи, вполнѣ напоминающія чепуху пьяныхъ. Перечитывая то, что они говорятъ, можно получить самое вѣрное представленіе объ опьяненіи. Это сама дѣйствительность, выхваченная изъ жизни, а примѣръ въ этомъ случаѣ лучше всякой теоріи. Такъ, Фантазіо, во время одной оргіи принимается болтать массу глупостей.

Спаркъ. Ты сейчасъ напьешься....

Фантазіо. Напьюсь, ты вѣрно сказалъ.

Спаркъ. Немного поздно.

Фантазіо. Что ты называешь поздно? Полудень — поздно? Полночь — рано? Откуда ты начинаешь день? Останемся, Спаркъ, прошу тебя, будемъ пить, болтать, рассуждать, говорить о политикѣ, выдумывать правительственныя комбинаціи, ловить майскихъ жуковъ, летающихъ во кругъ свѣчки, и прятать ихъ въ карманы. Знаешь-ли ты, что паровая пушка — прекрасная вещь съ точки зрѣнія филантропіи? Жилъ однажды король, который былъ очень, очень мудръ и счастливъ, очень,

очень счастливъ.... Слушай, Спаркъ, я пьянъ. Мнѣ надо сдѣлать что-нибудь. Трала...тра...ла ... Ну, встаемъ...

Этотъ наплывъ мыслей, это неестественное обилие умственной энергіи соблазнялъ многихъ поэтовъ; и часто имъ чудесно удавалось передать поэтическимъ языкомъ видимые признаки опьяненія. Прослушайте, на примѣръ, блестящіе стихи, котрыми Эмиль Ожье въ „Авантюристкѣ“ заставляетъ говорить Донъ-Ганнибала, котораго Фабрицій хочетъ напоить, чтобы вывѣдать отъ него тайну Клоринды, Сестры Ганнибала:

Ventrebleu! plus je bois, et plus ma soif redouble.
 Regardez-moi ce jus, l'abbé, ce jus divin,
 Que le monde a nommé modestement du vin;
 C'est le consolateur, c'est le joyeux convire,
 A la suite de qui toute allégresse arrive.
 Au diable les soucis! les craintes, les supçons!
 Quand je bois, il me semble avaler des chansons.
 Verse encore un couplet! et nargue du tonnerre!
 Buons à plein gosier, et chantons à plein verre! *)

*) Чортъ возьми! чѣмъ болѣе я пью, тѣмъ сильнѣе становится моя жажда. Посмотрите-ка, аббатъ на этотъ сокъ, на этотъ божественный сокъ, который люди скромно назвали виномъ, это утѣшитель, это веселый собутыльникъ, за котрымъ вслѣдъ идетъ веселье. Къ чорту заботы! опасенія, подозрѣнія! Когда я пью, мнѣ кажется, я глотаю пѣсни. Налей еще! одинъ куплетъ! и презирай громъ! Будемъ пить во все горло и пѣть во весь стаканъ!

Романисты также хорошо поняли, что видъ опьяненія не всегда одинъ и тотъ-же и, что онъ измѣняется смотря по субъекту. Есть люди, которыхъ невозможно напоить; послѣ принятаго внутрь огромнаго количества алкоголя, они въ концѣ концовъ будутъ обнаруживать симптомы полнаго отравленія: невѣрность походки, непреодолимую склонность ко сну, нечувствительность, рвоту, обморокъ; но періодъ умственнаго возбужденія, характеризующій первый моментъ опьяненія, по крайней мѣрѣ, по внѣшнему виду у нихъ не проявится. Это дѣйствительно странное явленіе обязано своимъ происхожденіемъ вліянію воли. Мы сказали, что при опьяненіи воля и вниманіе ослабены, но они не вполне исчезли, такъ что эта самая воля можетъ сосредоточиться на боязни опьяненія. Благодаря этой постоянной мысли, напряженность которой еще усиливается опьяненіемъ, не бываетъ внѣшнихъ проявленій бредя. Испытывая внутри насъ психическій эффектъ алкоголя, мы однако же сохраняемъ въ широкой мѣрѣ власть остановить его распространеніе. Дурное извѣстіе, важное событіе способны отрезвить внезапно, если отравленіе не слишкомъ глубоко; тутъ происходитъ любопытная смѣсь силы и немощи воли. Воля не можетъ помѣшать ни головокруженію, ни внутреннимъ иллюзіямъ, ни невѣрности походки, но она часто бываетъ

въ состояніи задержать потокъ словъ, который большею частью служитъ главнымъ внѣшнимъ признакомъ опьяненія; кажется будто существуетъ разница между мыслями и словами. На сколько мы неспособны вліять на возникновеніе нашихъ мыслей, настолько же мы остаемся господами своихъ словъ и поступковъ. Какаянибудь мысль, даже сумасбродная, появляется вопреки нашей воли и внѣдряется въ насъ; но къ счастью мы остаемся судьями этой мысли и, если она намъ кажется сумасбродной, въ нашей власти молчать и не показывать того, что происходитъ внутри насъ.

Наоборотъ, разъ мы отдались опьяненію, разъ мы не прибѣгли къ вліянію воли и стали громко выражать сумасбродныя мысли, пробѣгающія въ нашемъ сознаніи, тогда ужъ мы не можемъ болѣе остановиться, и нужно какоенибудь важное обстоятельство, чтобы положить конецъ гиперидеаціи и словоизверженію. Это свойство людей, которые заранѣе готовятся напиться. Въ началѣ оргіи они рѣшаются „хватить во всю“ и съ перваго-же стакана—они пьяны. Иногда одно намѣреніе напиться равносильно самому факту; видѣли людей пьяныхъ прежде, чѣмъ они начинали пить и пьянѣвшихъ отъ своихъ собственныхъ словъ. Языкъ санкціонировалъ эту аналогію: радостное извѣстіе, неожиданный приливъ

богатства, непредвидѣнный успѣхъ производятъ эффектъ анологичный опьяненію, и говорятъ: удача опьяняетъ человѣка. Въ одной сцѣнѣ „Зараза“ Д'Естриго предлагаетъ Андре Лагарду значительное состояніе, сумму въ 3 милліона, въ награду за одну постыдную сдѣлку. Андре сперва негодуетъ, но подѣ конецъ принимаетъ предложеніе. Онъ отказывается отъ бѣдности, онъ предпочитаетъ роскошь и удовольствіе. „Это цвѣтокъ алая распускается. Довольно я жилъ, съжившись въ своей скорлупѣ. Воздуху, чортъ возьми, шуму, ночного шуму въ особенности! Сорвемъ вывѣски буржуа и отколотымъ стражу!— Люсьенъ: Онъ опьянъ, да проститъ меня Богъ!—Д'Естриго: (въ сторону). Это я его напоилъ!“.

Такимъ образомъ рядомъ съ опьяненіемъ алкоголемъ существуетъ родъ моральнаго опьяненія, сходнаго съ нимъ и обнаруживающагося тѣми же эффектами: но послѣднее наблюдается рѣже и не всѣмъ людямъ суждено испытать его. Существуетъ классъ людей съ нѣжнымъ и легко возбуждающимся темпераментомъ. Это нервные темпераменты, но не вполне въ томъ смыслѣ, какъ это обыкновенно понимаютъ: они нервны по отношенію къ головному мозгу. Самое незначительное событіе нарушаетъ у нихъ равновѣсіе разсудка. Самое небольшое волненіе, самое

легкое противорѣчіе заставляютъ ихъ терять присутствіе духа и хлоднокрое. Когда они въ нормальномъ состояніи у нихъ нѣтъ недостатка въ способности самокритики, ни въ волѣ, но едва возникъ непредвидѣнный случай, все исчезаетъ вдругъ: и воля, и критика и разсудительность: наступаетъ разстройство умственныхъ способностей равносильное тому, какое производитъ опьяненіе. У этихъ особъ, самый легкій приступъ лихорадки тотчасъ влечетъ за собой бредъ и гиперидеацію. У нихъ, что называется слабая голова и, безъ заботливаго ухода, они всегда могутъ сдѣлаться жертвой своей злосчастной способности легко опьяняться. Можно было бы не безъ основанія сравнить это предрасположеніе съ нервнымъ состояніемъ, такъ часто встрѣчающимся у женщинъ и извѣстнымъ подѣ именемъ *истеріи*. При томъ-же женщины, въ особенности истеричныя, пьянѣютъ очень легко. Самая слабая доза алкоголя достаточна, чтобы довести ихъ до потери разсудка. И дѣйствительно, у истеричныхъ, какъ и у предрасположенныхъ субъектовъ, воля и вниманіе ослаблены и нужно немного, чтобы заставить ихъ совсѣмъ исчезнуть.

Кромѣ индивидуальнаго предрасположенія, существуютъ еще другія условія, съ которыми надо въ особенности считаться, относительно какъ рода, такъ и быстроты

опьяненія. Опьяненіе водкой или настоями, содержащими очень много алкоголя бывает тяжело и грузно; оно едва производит умственное возбужденіе, и повидимому, съ самаго начала дѣйствуетъ на органическія отправления: кровообращеніе и дыханіе. Напротивъ, опьяненіе винами, въ особенности шампанскимъ и бургундскимъ, легко дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, и обнаруживается по преимуществу психическими эффектами. Наконецъ, смѣсь напитковъ разныхъ сортовъ дѣйствуетъ съ большимъ напряженіемъ. Быстрота и легкость, съ которыми алкоголь всасывается, тожъ оказываетъ свою долю вліянія. Такъ натошакъ алкоголь дѣйствуетъ очень быстро; напротивъ, принятый вмѣстѣ съ обильными яствами, онъ всасывается медленнѣе и представляетъ менѣе основаній опасаться его ядовитаго свойства. Въ Англии, гдѣ алкоголизмъ производитъ опустошеніе, даже въ высшихъ слояхъ общества, инья личности пріобрѣли нѣкогда странную привычку, которая позволяетъ много пить, не пьянѣя: передъ началомъ попойки, они выпивали стаканъ масла, которое затрудняетъ всасываніе алкоголя стѣнками желудка и кишекъ. Эта отвратительная привычка была, какъ кажется, въ ходу въ прежнее время; не знаю, удержалась ли она до сихъ поръ.

Внѣшняя температура тоже производитъ свое дѣйствіе. Помню, когда я былъ въ Египтѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ тропическую жару, мнѣ достаточно было выпить полъ стакана бордо, разведеннаго водой, чтобы охмѣлѣть и, если бы я не остерегался и продолжалъ пить, даже только подкрашенную виномъ воду, это могло имѣть непріятныя послѣдствія. Можетъ быть это усиленное дѣйствіе вина зависитъ отъ быстроты, съ которой алкоголь улетучивается при температурѣ въ 40 градусовъ; но, такое объясненіе не вполне удовлетворительно, такъ какъ, какова бы ни была внѣшняя температура, температура крови остается почти неизмѣнной. Интересно также отмѣтить вліяніе внѣшняго холода. Человѣкъ, выходящій изъ-за стола съ легкимъ шумомъ въ головѣ и прямо на морозъ, можетъ почувствовать внезапное опьяненіе. Надо предположить, что это непосредственное дѣйствіе холода происходитъ вслѣдствіе внезапнаго прекращенія выдѣленія паровъ алкоголя чрезъ кожу и легкія. По этой-то причинѣ, какъ замѣчаетъ докторъ Бюриль, обитатели убѣжища на горѣ С. Бернаръ даютъ пить путешественникамъ только кофе.

Изъ всего вышесказаннаго, мы можемъ заключить, что алкоголь въ слабой дозѣ возбуждаетъ нѣкоторыя умственные способ-

ности, воображеніе, память, способность ассоціаціи представлений, и въ то же время парализуетъ другія, въ особенности волю, рассудительность и самокритику. Когда старый Сли, мертвецки-пьяный храпитъ, распростертый въ лужѣ, онъ возбуждаетъ состраданіе и презрѣніе. „О чудовище, вотъ онъ валяется, какъ настоящая свинья! О отвратительная смерть! Какой мерзкій, какой отталкивающий у тебя образъ!“ За возбужденіемъ послѣдовалъ полный упадокъ силъ, настоящая „спячка“, пользуясь техническимъ терминомъ. Полная нечувствительность; никакое внѣшнее возбужденіе не можетъ пробудить мертвецки-пьянаго несчастнаго. Надъ человѣкомъ въ такомъ состояніи можно производить безболѣзненные операціи совсѣмъ, какъ подъ хлороформомъ и Монтеъ передаетъ по этому поводу рассказы, слышанномъ, впрочемъ, гальскіе, чтобы приводить ихъ здѣсь. Этотъ періодъ полной анестезіи далеко не безвреденъ и часто бывали случаи смерти въ коматозномъ періодѣ опьяненія.

Такимъ образомъ слѣдуютъ другъ за другомъ явленія опьяненія у большинство индивидуумовъ; но у нѣкоторыхъ, между періодами спячки и возбужденія часто наступаетъ довольно тяжелое состояніе, которое старинные писатели называли конвульсивнымъ опьяненіемъ. „Десять человѣкъ едва въ состояніи,

говорить Перси, осилить этого рода бѣшенаго. Взглядъ у него блуждающій, глаза сверкаютъ, волосы стоятъ дыбомъ, жесты угрожающіе; онъ оскаливаетъ зубы, плюетъ въ лицо окружающимъ и—что дѣлаетъ эту картину еще болѣе отвратительной—старается укусить тѣхъ, кто приближается къ нему, всюду запускаетъ свои ногти, раздираетъ свою собственную кожу, если руки у него свободны, скребетъ землю, если можетъ убѣгаетъ и издаетъ страшныя рычанія.“ Къ этому ужасному періоду опьяненія надо отнести преступленія и убійства, совершаемыя пьяными. Подверженныя этого рода опьяненію, также мало отвѣтственны за свои дѣйствія, какъ и сумашедшіе и бредъ ихъ, который Перси, такъ энергично описываетъ, совершенно сходенъ съ бредомъ маніяковъ. Впрочемъ, эта форма опьяненія встрѣчается только у несчастныхъ, кровь которыхъ уже испорчена предшествовавшими излишествами въ употребленіи алкоголя и самое ужасное въ этомъ случаѣ алкоголизма то, что сильнѣйшій приступъ бреда бываетъ слѣдствіемъ новаго злоупотребленія, алкоголемъ хотя бы выпитое на этотъ разъ количество его было ничтожно въ сравненіи съ прежними приемами.

Дѣло въ томъ, что алкоголь производитъ не только быстрое и скоро—проходящее отравленіе, но при болѣе или менѣе продол-

жительномъ злоупотребленіи имъ можетъ вызвать и хроническое отравленіе, которое глубоко разстраиваетъ всѣ отправления нашего организма, и въ концѣ концовъ ведетъ къ перерожденію всѣхъ тканей. Болѣе, можетъ быть, чѣмъ прочія органическія системы, измѣняется нервная система, и въ особенности головной мозгъ. Точные опыты надъ животными, къ пици которыхъ примѣшивали алкоголь, показали, что головной мозгъ всасываетъ извѣстное количество этого вещества, вслѣдствіе избирательнаго средства существующаго между нѣкоторыми тканями и ядами, такъ что пожертвовавъ, отравленными такимъ путемъ собаками и вынувъ ихъ мозги, можно извлечь изъ нихъ путемъ диспильции нѣкоторое количество алкоголя. Если продолжать опытъ дальше, эти несчастныя собаки, жертвы невольнаго пьянства въ концѣ концовъ теряютъ умственныя способности: онѣ становятся безпокойными, печальными, непосѣдливыми. По словамъ Маньяна у нихъ бываютъ настоящія галлюцинаціи: вдругъ имъ кажется, что ихъ преслѣдуютъ. онѣ растерянно бѣгутъ, ворча и огрызаясь. Иногда среди ночи, онѣ испускаютъ жалобныя стоны и дрожатъ всѣми членами, какъ будто видятъ предъ собой страшныя призраки.

Уныніе и страхъ—таковы и у человѣка результаты хроническаго отравленія алко-

големъ. Кажется, будто природа въ видѣ законнаго возмездія заставляетъ искупать сладость опьяненія ужасами алкоголизма. Сперва это только смутное чувство неопредѣленной тоски, которую стараются побороть новымъ приѣмомъ яда. Мало-по-малу эта тоска усиливается: вечеромъ, въ тотъ промежутокъ, когда сна еще нѣтъ и въ то же время нѣтъ уже состоянія дневнаго бодрствованія, появляются призраки, слабо освѣщенные, но отталкивающаго вида. Это еще не настоящія галлюцинаціи, это только обманъ зрѣнія; но вотъ наступаетъ и моментъ галлюцинацій: отвратительныя формы, невиданные звѣри или какіе-нибудь ужасающіе предметы, заимствованные изъ области дѣйствительной жизни. Самое вѣрное понятіе объ этихъ формахъ бреда можно составить себѣ, читая медицинскія наблюденія надъ помѣшанными алкоголиками. Для меня достаточно привести одно изъ этихъ наблюденій, заимствованное у Маньяна; такъ какъ всѣ наблюденія сходны между собой, то можно будетъ составить себѣ полное сужденіе по одному примѣру этой, наиболѣе часто встрѣчающейся, формы бреда алкоголика. Рѣчь идетъ о женщинѣ 45 лѣтъ, пившей въ теченіи долгаго времени. „Разъ погашенъ свѣтъ и наступаетъ темнота, галлюцинаціи появляются; сначала она пробуетъ перевести свое вниманіе на другіе предметы;

она закрываетъ глаза и силится уснуть. Напрасно, вдругъ она слышитъ голоса родственниковъ, стоны и вопли дочери, которую влекутъ куда-то... она видитъ паутину на стѣнахъ, веревки, сѣти, петли, которыя суживаются и удлиняются; въ серединѣ показываются черные шарики, которые вздуваются и уменьшаются, принимаютъ форму крысъ, кошекъ, которыя ходятъ по ниточкамъ, пригаютъ на постель и исчезаютъ. Потомъ она видитъ птицъ, гримасничающія лица, обезьянъ, которыя бѣгутъ, бросаются впередъ, уходятъ сквозь стѣны, убѣгающихъ куръ, которыхъ она старается поймать; на всѣхъ крышахъ сосѣднихъ домовъ появляются люди съ ружьями; сквозь стѣны, сквозь отверстія въ нихъ, она замѣчаетъ пушку, револьверъ, наведенный на нее; пожары со всѣхъ сторонъ, дома рушатся, все исчезаетъ. Среди суматохи, она видитъ какъ убиваютъ ея мужа, дѣтей... которыя кричатъ: карауль, пожаръ, рѣжутъ. Она слышитъ звонъ колоколовъ, музыку, стукъ машины, рядомъ съ ея комнатою, потомъ пѣніе, шумъ голосовъ. Деревья кажутся танцующими и покрытыми шариками всѣхъ цвѣтовъ, которые удаляются, увеличиваются или уменьшаются. По временамъ огромное разноцвѣтное зарево освѣщаетъ горизонтъ“.

Часто эти галлюцинаціи бываютъ такъ ужасны, что доводятъ несчастныхъ до само-

убійства. Самоубійство среди пьяницъ—вещь обычная. По свидѣтельству Бриера де Буамона изъ 4595 самоубійцъ 530 было пьяницъ, т. е. около одной девятой. Пропорція, очевидно, значительная. Это одно изъ самыхъ серьезныхъ соціальныхъ послѣдствій злоупотребленія спиртными напитками.

Такое губительное вліяніе алкоголя хорошо извѣстно; какъ же объяснить, что человѣкъ всюду, во всѣхъ климатахъ, во всѣ времена питалъ такую любовь къ этому яду? Онъ, можетъ быть, единственное изъ животныхъ, питающее страсть къ крѣпкимъ напиткамъ. Едва можно привести нѣсколько исключительныхъ случаевъ съ обезьянами и собаками, соглашавшимися пить смѣсь, содержащую алкоголь, и находившими въ этомъ извѣстное удовольствіе, тогда какъ среди людей это удовольствіе всеобщее, почти не имѣющее исключеній. Это показываетъ, что человѣкъ несчастенъ и нуждается въ забвеніи. Часто жизненная дѣйствительность бываетъ жестока, омрачена усталостью, заботами, печалью: мы видимъ то рабочихъ нашихъ большихъ городовъ, изнуренныхъ нищетой и обреченныхъ на самую тяжелую работу, то обитателей, окутанныхъ холодными туманами. Шотландіи и Норвегіи или ледяныхъ степей Россіи, то несчастныхъ дикарей, съ слабымъ умственнымъ развитіемъ, ведущихъ

борьбу съ голодомъ и изнывающихъ подъ гнетущимъ ярмомъ какого нибудь деспота, всѣхъ несчастныхъ, придавленныхъ, склоняющихъ голову передъ судьбой. Межъ тѣмъ у нихъ есть средство освободиться отъ этого рабства; нѣсколько капель этого укрѣпляющаго питья сейчасъ разгоняетъ всѣ тучи. Нищета, холодъ, голодъ исчезнутъ, они почувствуютъ себя сильными и могущественными, вчерашнія страданія забудутся; а озавтрашнихъ они не станутъ заботиться, и имъ кажется, что вмѣстѣ съ алкоголемъ, который ошеломляетъ ихъ, они вливаютъ въ жилы здоровье и счастье *).

Такимъ образомъ въ бѣдныхъ странахъ и въ холодномъ климатѣ, гдѣ бѣдность такъ жестоко даетъ себя чувствовать алкоголизмъ производитъ наибольшее опустошеніе, въ Англии, напримѣръ. Тамъ пьянство стало общественнымъ бичемъ. На милліонъ бѣдныхъ, пользовавшихся общественной благотворительностью, въ 1865 году было 800.000 пьяницъ. Повседневными употребляемыми напитками являются виска и джинъ. Виски—про-

*) Въ одной, очень странной во всѣхъ отношеніяхъ книжкѣ, „въ западнѣ“ Зола, во всѣхъ подробностяхъ описано дѣйствіе алкоголя. Зло, порождаемое имъ, представлено во всей его цинической наготѣ: нищета, проституція, буйство, даже преступленіе, таковы роковыя послѣдствія алкоголизма и опьяненія. И, если бы не грязь языка, толстымъ слоємъ, покрывающая талантъ автора, книжка Зола не могла быть признанной вполне безнравственной.

дуктъ перегонки ферментированнаго хлѣбнаго зерна. Джинъ или жежевеловая водка получается перегонкой хлѣбнаго вина, настояннаго на ягодахъ жежевельника. Къ этому слѣдуетъ прибавить французскія и испанскія вина, чаще всего поддѣльныя—портеръ, эль, стоутъ, сорта пива весьма богатаго алкоголемъ. Въ соединенныхъ штатахъ, гдѣ страсть къ алкоголю не менѣе, чѣмъ въ Англии, кромѣ виски и джина пьютъ еще бренди, продуктъ броженія патата, подкрашеннаго жженымъ сахаромъ, ромъ и тафію, получаемую при броженіи сахарной патоки. Въ Швеціи алкоголизмъ производитъ большія опустошенія. По статистическимъ даннымъ, каждый изъ жителей, за исключеніемъ женщинъ и дѣтей, поглощаетъ около 100 литровъ алкоголя въ годъ. По воскресеніямъ, въ деревняхъ рѣдко можно встрѣтить мужчину, который не былъ бы пьянъ. Впрочемъ, Шведы народъ трудолюбивый, образованный и одинъ изъ самыхъ честныхъ въ Европѣ. Въ Россіи употребленіе алкоголя громадно, къ тому же оно нѣкогда поощрялось откупной системой. Кромѣ хлѣбнаго вина или водки и кюмеля, существуетъ нѣсколько другихъ спиртныхъ напитковъ сильно распространенныхъ: брага или бѣлое пиво, выморозки или березовое вино, продуктъ броженія березоваго сока. Восточные татары пьютъ перебродившее кобылье молоко, напитокъ содержащій

много алкоголя и известный под именем кумыса. Напротивъ, въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ и въ южной полосѣ Европы пьянство является рѣдкимъ порокомъ. Трезвость испанцевъ вошла въ поговорку. Греки, итальянцы, турки лишь въ рѣдкихъ случаяхъ предаются злоупотребленію спиртными напитками. Во Франціи алкоголизмъ мало распространенъ. Представляя большую рѣдкость на югѣ Франціи, онъ чаще встрѣчается на сѣверѣ, особенно въ Бретани, Нормандіи и во Фландріи. Въ общемъ злоупотребленіе спиртными напитками убиваетъ ежегодно въ среднемъ 50,000 человекъ въ Англіи, 40,000 въ Германіи, 25,000 въ Россіи, 4,000 въ Бельгіи и только 2,000 во Франціи. Народы, доведенные до рабства или высланные, чтобы поддержать свое существованіе, рѣдко бываютъ трезвы; они пьютъ, чтобы забыть свои бѣдствія. Къ этой категоріи надо причислить ирландцевъ и поляковъ, которые изъ европейскихъ народовъ, пожалуй, больше всѣхъ предаются пьянству. Въ Азіи, китайцы въ общемъ отличаются трезвостью у себя дома, но переселившись въ Соединенные Штаты, въ Кохингину, въ Индію или на различные острова восточной Азіи, становятся неисправимыми пьяницами и пьютъ то рисовую водку, то хлѣбное вино, которое англосаксы, не особенно заботящіеся о нравственности доставляютъ имъ по низкой

цѣнѣ. Любопытно отмѣтить, что дикія племена, приходя въ соприкосновеніе съ европейской цивилизаціей, непосредственно заимствуютъ отъ нея, что есть въ ней самаго погубнаго, т. е., употребленіе крѣпкихъ напитковъ. Въ Америкѣ индѣйцы Сіу въ Австраліи мелкія племена внутренняго материка поглощаютъ колоссальныя количества „огненной воды“; зло дѣлаетъ среди нихъ такіе ужасающіе успѣхи, что эти народности, вѣроятно, вскорѣ исчезнутъ. По всему побережью Африки, въ Гвинее, Конго, въ Капской землѣ, въ Абессиніи, европейскіе конторы снабжаютъ туземцевъ крѣпкими напитками, которые производятъ опустошеніе среди мѣстнаго населенія. Имъ мало водки изъ проса и меда, пальмоваго, финиковаго вина и вина изъ банановъ: имъ нужна наша европейская хлѣбная водка. Эти народы—дѣти не умѣющіе ни умѣрять своихъ желаній, ни обуздывать своихъ страстей, пьютъ съ неистовствомъ и удовлетворяются только, падая мертвецки—пьянами. По свидѣтельству Пике, жители Таити почти не знали употребленія спиртныхъ напитковъ, но послѣ того, какъ европейцы въ 1796 году научили ихъ подвергать броженію мѣстные плоды, они отдались съ неистовою страстью шумному опьяненію, которое производятъ эти напитки. Съ тѣхъ поръ они подвергли броженію сокъ апельсиновъ, яблоковъ, ананаса

и цѣлой массы другихъ плодовъ. Пике приводитъ также въ примѣръ лапландцевъ Финмаркена не знакомыхъ съ искусствомъ перегонки; первая вещь за которой они являются на берегъ къ морякамъ это водка: пьяныхъ до безчувствія, ихъ подбираютъ затѣмъ во всѣхъ бухточкахъ побережья.

Среди многочисленныхъ спиртныхъ напитковъ, употребляемыхъ человекомъ съ цѣлью извратить свое сознание, мы еще не говорили объ абсентѣ. Мы сдѣлали это потому, что абсентъ дѣйствуетъ не только посредствомъ содержащагося въ немъ алкоголя, но еще и при помощи эссенціи абсента, которая даже въ слабой дозѣ является страшнымъ ядомъ. Отличіе абсента отъ алкоголя состоитъ въ томъ, что вмѣсто того, чтобы дѣйствовать только на нервную систему головного мозга, первый дѣйствуетъ съ необычайной быстротой и на спинной мозгъ, вызывая дрожаніе членовъ, конвульсивные приступы въ формѣ эпилепсіи, а подъ конецъ и припадки падучей болѣзни. Какъ кажется онъ производитъ специальный родъ опьяненія, съ тѣмъ же чувствомъ удовольвенія и благополучія, какъ и при алкоголѣ, но съ болѣе рѣзко выраженнымъ состояніемъ блаженства и гиперидеаціи. Ощущеніе тепла и чувство благосостоянія, которыя производитъ абсентъ слѣдуетъ, быть можетъ, приписать его дѣй-

ствію на спинной мозгъ; какъ бы то ни было это энергичный ядъ, производящій свое пагубное дѣйствіе на сознание гораздо быстрѣе алкоголя, какъ это показали терпѣливыя изысканія Моньяна. Такимъ образомъ абсентъ слѣдовало бы совершенно изгнать изъ общаго употребленія, тогда какъ нечего и думать сдѣлать тоже самое относительно алкоголя. Алкоголь превосходное возбуждающее средство, въ умѣренныхъ дозахъ — пріятенъ и даже полезенъ. Это возстановитель питанія; это сверхъ того тоническое средство, полезное дѣйствіе котораго неоспоримо; но какія это слабыя достоинства въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое онъ причиняетъ!

III.

Рядомъ съ алкоголемъ слѣдуетъ поставить хлороформъ. Съ физиологической точки зрѣнія, дѣйствіе этихъ ядовъ обоихъ почти одно и тоже, хотя употребленіе ихъ весьма различно. Хлороформъ-безцвѣтная, летучая, ароматическая жидкость, болѣе плотная чѣмъ вода и не смѣшивающаяся съ ней. Онъ открытъ въ 1831 году Субейрономъ и процессъ при помощи котораго Субейронъ получилъ его примѣняется и до сихъ поръ. Для этого достаточно продистиллировать алкоголь, смѣшанный съ хлористой известью и известью. Физиологическія свойства хлороформа были

открыты въ 1847 году Флурансомъ, всего нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ открытія Джексономъ аналогичныхъ свойствъ эфира; но первымъ хирургомъ, примѣнившимъ его при операциі надъ человѣкомъ въ ноябрѣ 1847 года, былъ Симпсонъ изъ Эдинбурга. Съ тѣхъ поръ примѣненіе его стало до такой степени всеобщимъ, что въ настоящее время уже ни одна серьезная операциа не обходится безъ хлороформа: и открытіе хирургической анестезіи мы вправѣ разсматривать, какъ самое цѣнное изъ открытій этого вѣка, столь богатаго благотворными результатами научныхъ изслѣдованій. Главный результатъ дѣйствія хлороформа—парализованіе чувствительности, или анестезія. Въ этомъ направленіи онъ дѣйствуетъ на сознаніе, такъ какъ чувствительность—только одинъ изъ видовъ сознанія; однако этотъ вопросъ, какъ еще довольно темный, заслуживаетъ болѣе подробнаго объясненія.

Дѣятельность нервной системы распадается на два главныхъ отправления: чувствительность и движеніе; благодаря чувствительности мы воспринимаемъ впечатлѣнія извнѣ, посредствомъ возбужденія мускуловъ, т. е. при помощи движенія, мы выражаемъ нашу волю и дѣйствуемъ на внѣшніе предметы. Когда нѣтъ ни болѣзни, ни отравленія, воля т. е. сознаніе возбуждаетъ, черезъ посредство спин-

наго мозга различные мускулы и производить движеніе; но это условіе не абсолютно необходимо, такъ какъ, напримѣръ, у обезглавленныхъ животныхъ, нервная система спиннаго мозга можетъ все еще возбуждать движеніе въ мускулахъ. Есть подвижность, но нѣтъ болѣе чувствительности. Чувствительность бываетъ только тогда, когда сознаніе нетронуто, способно къ воспріятіямъ; такъ что существо, лишенное сознанія, не можетъ быть чувствительнымъ. Этотъ фактъ находитъ себѣ полное подтвержденіе въ патологическихъ наблюденіяхъ: каждый разъ, когда поражено сознаніе, является въ то же время разстройство чувствительности и на оборотъ. И такъ, когда больной представляетъ замѣтное разстройство чувствительности, и при этомъ нервы не тронуты, можно быть увѣреннымъ, что повреждена центральная нервная система, повреждена на столько, что сознаніе не можетъ оставаться невредимымъ.

Сравнительная анатомія и физиологія согласны въ этомъ отношеніи съ патологіей. Существуютъ животныя, обладающія незначительной или несовершенной чувствительностью, это низшія животныя: сознаніе у нихъ слабое и ихъ чувствительность на столько же тупа, насколько слабо сознаніе. Напротивъ, переходя постепенно къ болѣе разумнымъ животнымъ, наблюдается, что

чувствительность становится все болѣе и болѣе тонкой; такъ что человѣкъ самое разумное изъ всѣхъ животныхъ, является и наиболѣе чувствительнымъ и, даже среди различныхъ человѣческихъ расъ, наиболѣе одаренными умственными способностями будутъ тѣ, которые обладаютъ совершенной чувствительностью. Расположеніе нервныхъ центровъ находится въ связи съ этимъ совпадениемъ; именно, у человѣка заднія волокна спиннаго мозга болѣе объемистыя по сравненію съ передними волокнами. Между тѣмъ переднія волокна передаютъ двигательныя возбужденія нервамъ, тогда какъ заднія служатъ для передачи чувственныхъ возбужденій; точно также заднія доли головного мозга у человѣка сравнительно съ тѣми же долямъ у животныхъ, у которыхъ онѣ есть, болѣе развиты, чѣмъ переднія доли. А именно, въ заднихъ доляхъ, какъ кажется, происходитъ воспріятіе ощущаемыхъ возбужденій.

Въ этой тѣсной связи между сознаниемъ и чувственностью нѣтъ, впрочемъ, ничего удивительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, каково бы ни было вліяніе самостоятельнаго развитія сознанія, смотря по устройству головного мозга, являющагося его органомъ, все наше знакомство съ внѣшнимъ міромъ несомнѣнно зависитъ отъ нашихъ ощущеній и мозговой работы, являющейся результатомъ ихъ. Со-

знаніе представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ продуктъ этихъ двухъ факторовъ, и внѣшнія впечатлѣнія, переработанныя и оплодотворенныя по усмотрѣнію ума, образуютъ личность индивидуума. Замѣчая, что анатомія, фізіологія и патологія устанавливаютъ тѣсную связь между чувствительностью и сознаниемъ, мы въ правѣ сказать, что психологія санкціонируетъ положительныя данныя, доставляемыя этими тремя науками.

Такимъ образомъ, яды, дѣйствующіе на сознаніе, тѣмъ самымъ являются и дѣйствующими на чувствительность. Алкоголь въ этомъ отношеніи не отличается отъ хлороформа. Въ началѣ опьяненія уже является замѣтная нечувствительность, а въ періодъ спячки—нечувствительность полная; совершенно то же и въ послѣднемъ періодѣ дѣйствія хлороформа, такъ что отравленіе хлороформомъ идетъ параллельнымъ путемъ съ отравленіемъ алкоголемъ, и можно различить первый періодъ собственно опьяненія, и второй—сна или спячки.

Когда пациентъ начинаетъ вдыхать хлороформъ, первыя вдыханія ошеломляютъ его, и онъ чувствуетъ нѣчто въ родѣ головокруженія и весьма непріятнаго помраченія сознанія. Это головокруженіе идетъ усиленнымъ темпомъ, и по мѣрѣ того, какъ пациентъ продолжаетъ вдыхать ядовитое вещество, мысли

его возбуждаются все болѣе и болѣе. Онъ слышетъ все, что говорятъ ему и отвѣчаетъ, но отвѣчаетъ, какъ пьяный, преувеличивая свои впечатлѣнія и переходя мѣру; его способность сужденія уже исчезла и онъ даетъ самые незначительные отвѣты съ театральнымъ пафосомъ, что производитъ часто комическое впечатлѣніе. Затѣмъ мысли все болѣе и болѣе путаются; такъ какъ воли и способности сужденія больше нѣтъ, то возникновеніе мыслей становится безпорядочнымъ, какъ въ бреду; словомъ, это состояніе сна, сопровождаемаго грезами почти аналогичными съ тѣми, какія бываютъ при обыкновенномъ снѣ.

Можетъ быть умѣстно будетъ здѣсь напомнить въ нѣсколькихъ словахъ психологическій эффектъ сна. Бодрствующій субъектъ вполне владѣетъ собой; онъ руководитъ своими мыслями и даетъ возникающимъ представленіямъ такое направленіе, какое находитъ подходящимъ; въ то время какъ разныя мысли другъ за другомъ проходятъ передъ его волей, онъ можетъ остановиться, когда ему угодно и фиксировать свое вниманіе такъ, чтобы въ точности сохранить воспоминаніе о тѣхъ изъ нихъ, которыя онъ нашелъ достойными его памяти; но едва сонъ овладѣлъ имъ, эта способность исчезаетъ. Мысли становятся болѣе летучими, болѣе быстрыми;

невозможно остановить ихъ, сужденія больше нѣтъ, чтобы неустанно исправлять безпорядочное и спутанное возникновеніе воображаемыхъ формъ, и мысли несообразныя, нелѣпыя, фантастическія текутъ безъ устали, по мѣрѣ того, какъ онѣ становятся нелѣпѣе, вниманіе и память слабѣютъ все болѣе и болѣе, и мы не можемъ математически схватить моментъ, когда сознаніе покидаетъ насъ. Я попросилъ бы читателя произвести подробное изслѣдованіе надъ самимъ собой и попытаться схватить нить своихъ мыслей въ тотъ моментъ, когда онъ засыпаетъ. Онъ увидитъ, что никогда не засыпаетъ вдругъ, и, что первымъ эффектомъ сна является, повидимому, потеря вниманія и воли. Возникновеніе и связь идей остаются, однако, нетронутыми, благодаря чему мысли никогда не бываютъ такъ живы, какъ въ этотъ переходной моментъ отъ бодрствованія ко сну по мнѣнію Байларже, именно въ этомъ періодѣ чаще всего бываютъ галлюцинаціи. Позволю себѣ сослаться на собственный примѣръ. Слѣдуя совѣту Бриера де Буамона, я упражнялся въ способности видѣть мысли въ конкретной формѣ. Желая заснуть, я стараюсь вызвать передъ глазами представленія предметовъ; какъ только передъ моимъ взоромъ появляются формы, которыя кажутся мнѣ реальными по отчетливости своихъ очертаній, я увѣренъ что это начало сна, такъ какъ въ состояніи

бодрствованія, я не могу воспроизвести ничего подробнаго. Появляющійся предметъ часто оказывается неожиданнымъ и смѣняется другимъ не менѣе страннымъ: образы проходятъ такимъ манеромъ одинъ за другимъ, причемъ не въ моей волѣ видоизмѣнить ихъ; словомъ, это нѣчто въ родѣ калейдоскопа, въ которомъ мое „я“ является простымъ зрителемъ. Напрасно я пытаюсь удержать что-нибудь въ памяти: нѣтъ конца этому измѣнчивому зрѣлищу, нѣтъ послѣдняго изображенія. Воспоминанія становятся все болѣе и болѣе спутанными, и подъ конецъ, является сонъ, моментъ появленія котораго нельзя опредѣлить; отсюда выходитъ, что, въ состояніи бодрствованія существуетъ нѣкоторый пробѣлъ, т. е. промежутокъ времени въ теченіи котораго наша умственная работа продолжается безъ нашего вѣдома.

Какъ для алкоголя, такъ и для хлороформа явленія остаются совершенно сходными. Одновременно съ вниманіемъ, способностью сужденія и волею исчезаетъ память; такимъ образомъ представляется странное зрѣлище живого и думающаго субъекта, у котораго однако жизнь и мысль не оставляютъ послѣ себя никакого воспоминанія; ему рассказываютъ о его же поступкахъ и эти рассказы представляются ему новостью. Оказывается пробѣлъ въ воспоминаніи о его

умственной дѣятельности, но не въ ея теченіи: ядъ нарушилъ воспоминанія, но не самое возникновеніе идей. Такимъ образомъ, какъ намъ кажется, вмѣсто памяти приходится имѣть дѣло съ двумя умственными способностями, которыя не могутъ быть сравниваемы. Для примѣра возьмемъ пьянаго субъекта, который держится еще на ногахъ и самъ можетъ направлять свой путь. Онъ вспоминаетъ улицы, которыя должны привести его домой, онъ помнитъ свой домъ, свой этажъ, свою комнату и, однако, на другой день онъ ничего не вспомнитъ изъ того, что съ нимъ происходило; между моментомъ, когда онъ сидѣлъ за столомъ со стаканомъ въ рукахъ и моментомъ его пробужденія въ своей комнатѣ, является пустота, пополнить которую онъ не могъ бы, не смотря на всѣ свои усилія. Между тѣмъ у него хватило памяти, чтобы найти дорогу домой; онъ былъ въ состояніи вспомнить мелкія подробности, которыя необходимо было вспомнить, чтобы попасть въ свою квартиру, но не смогъ удержать въ головѣ новыхъ мыслей и ощущеній, испытанныхъ имъ во время своего опьяненія. И такъ слѣдуетъ отличать память удерживающую отъ памяти удержавшей. Первая возможна только въ томъ случаѣ, когда умственные способности и, между прочимъ, воля и вниманіе не тронуты: чтобы удержать въ головѣ какой

—нибудь фактъ, необходимо остановить на немъ свое сознание и быть въ состоянiи сдѣлать это; этой то способности и недостаетъ человѣку ни въ обыкновенномъ снѣ, ни въ снѣ подѣ хлороформъ, ни при опьяненiи. Я бы назвалъ эту часть памяти активной памятью, въ противоположность другой части, являющейся пассивной и безсознательной памятью. Эта послѣдняя не исчезаетъ ни въ сновидѣнiяхъ, ни при опьяненiи; она составляетъ неотдѣлимую часть насъ самихъ и безъ нея мы не можемъ думать. Каждая мысль, каждый образъ есть воспоминанiе, видоизмѣненное послѣдующими воспоминанiями, лишнее этой совокупности воспоминанiй, сознание не могло бы существовать, подобно тому какъ въ природѣ никакая сила не пропадаетъ, и моря и по нынѣ взволнованы бороздами кораблей Помпея, точно также всѣ воспринятые ощущенiя, оставили свой слѣдъ въ человѣческомъ сознании. Такимъ образомъ возникновенiе идей есть сознательный или безсознательный результатъ всѣхъ воспоминанiй, накопленныхъ и переработанныхъ. И такъ, когда ядъ, дѣйствующiй на сознание разстраиваетъ память, онъ можетъ дѣйствовать только на активную память размышляющую, сознательную и не переноситъ своего дѣйствiя на память, завѣдующую прошлыми фактами. Эти послѣднiе неизгладимы, и нужно гораздо болѣе глубо-

кое поврежденiе нервныхъ центровъ, чтобы они исчезли.

Я бы не останавливался слишкомъ долго на этомъ различii, но думаю, что оно необходимо, чтобы быть въ состоянiи понять столь сложныя явленiя разстройства сознания вслѣдствiе отравленiя хлороформомъ. Какъ только хлороформъ, всосанный легочной слизистой тканью вошелъ въ кровь, активная память, которая обуславливаетъ вниманiе и волю, исчезла; однако сознание еще не умерло. Идеи еще возникаютъ, старыя воспоминанiя упорно держутся, иногда память о прошлыхъ фактахъ оказывается даже возбужденной до странности. Пациентъ говоритъ на языкѣ, который считалъ давно забытымъ, вспоминаетъ старыя исторiи, которыя казались погребенными забвенiемъ и дремали въ невѣдомомъ уголку сознания подобно тому какъ сокровище зарытое въ какомъ-нибудь погребѣ лежитъ тамъ, иногда долгие годы, и никто не подозрѣваетъ о его существованiи. Этотъ фактъ возбужденiя памяти тѣмъ болѣе интересно, что онъ встрѣчается при многихъ формахъ умственного разстройства, сохраняя тотъ же характеръ совпадая также съ полной потерей активной памяти.

Хотя при хлороформѣ нечувствительность наступаетъ довольно быстро, но вообще она проявляется только послѣ потери памяти, и

эта разница въ противодѣйствіи яду представляетъ въ самомъ дѣлѣ, одно изъ самыхъ странныхъ явленій. Такъ, если операція начинается въ то время когда чувствительность неполная, пациентъ будетъ испускать крики, вопли или жалобы; онъ будетъ метаться, какъ будто страдаетъ, онъ будетъ кричать, что моментъ для операціи еще неподходящъ. Часто онъ будетъ высказывать ошибочныя сужденія объ испытываемыхъ имъ ошущеніяхъ, совсѣмъ, какъ помѣшанный, или заснувшій субъектъ. Видя, какъ онъ бѣется, мечется и говоритъ о своихъ страданіяхъ, можно было бы подумать, что хлороформъ не произвелъ никакого дѣйствія на его чувствительность, а между тѣмъ, по пробужденіи онъ не сохранитъ никакого воспоминанія о томъ, что съ нимъ происходило. Боль, не оставляющая въ сознаниіи никакого слѣда, настоящая-ли боль? На этотъ вопросъ труднѣе отвѣтить, чѣмъ можно было бы думать. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ боль острую, пронизывающую, но продолжающуюся короткое время, на примѣръ, одну минуту, конечно, въ продолженіи этой минуты, субъектъ будетъ испытывать дѣйствительныя страданія; но если всякое воспоминаніе объ этой боли немедленно исчезаетъ, ему не на что будетъ жаловаться, онъ будетъ отрицать, что страдалъ и охотно подвергнется новой операціи, такъ какъ вообразить, что не испытывалъ никакой

боли: можно, такимъ образомъ, сказать, что онъ будетъ пользоваться всѣми выгодами анестезіи, производимой хлороформомъ. Вообще въ нормальномъ состояніи человѣкъ относится къ испытываемой имъ боли совсѣмъ иначе: таже самая острая, пронизывающая боль у здороваго субъекта, хотя бы въ своемъ обостренномъ состояніи она продолжалась даже менѣе одной минуты, оставить послѣ себя непріятное воспоминаніе: сознание будетъ настолько встревожено ею, что одно воспоминаніе о боли будетъ уже, такъ сказать, сама боль. Уничтожить такимъ образомъ дальнѣйшій отзвукъ болевого возбужденія все равно, что уничтожить самую боль. Боль безъ воспоминанія—не настоящая боль, такъ какъ ей недостаетъ характерной черты всякаго болевого впечатлѣнія, дальнѣйшаго отраженія его, которое волнуетъ сознание и воспоминаніе котораго, каждый разъ появляясь, оставляетъ ослабленный, но все же довольно яркій отпечатокъ первоначальной боли. Вотъ, на примѣръ, два субъекта, которымъ вырываютъ зубъ: одинъ не захотѣлъ хлороформироваться, другой подвергся хлороформированію, но лишь до потери памяти, а не чувствительности. При такихъ условіяхъ въ моментъ операціи, оба будутъ кричать, и будетъ казаться будто оба они одинаково страдаютъ; но спустя полъ минуты состояніе ихъ будетъ различно: первый бу-

детъ еще страдать отъ общаго ли разстройства, произведеннаго жестокой болью, или отъ воспоминанія объ этой боли, которое каждый моментъ вызываетъ въ немъ подобіе, вновь начинающейся тяжелой операціи, только что имъ перенесенной. Напротивъ, второй больше не жалуется, онъ говоритъ, что не страдалъ, болевое возбужденіе не оставляетъ у него слѣда, и все проходитъ, какъ будто онъ не испыталъ никакой боли.

Когда больного заставляютъ вдыхать хлороформъ, надо обращать особое вниманіе на нравственное состояніе его духа. Если онъ мужествененъ и рѣшителенъ, все пройдетъ какъ нельзя лучше, и не представится никакой трудности лишить его чувствительности; напротивъ, если перспектива операціи внушаетъ ему непреодолимый страхъ, придется удвоить вниманіе и бдительность, такъ какъ замѣчено, что при такихъ условіяхъ довольно часто случается обморокъ. Съ другой стороны онъ долго будетъ противиться дѣйствию хлороформа, и придется заставить его вдохнуть гораздо большее количество, чѣмъ если бы онъ относился къ операціи съ довѣріемъ и не испытывалъ неосновательнаго страха. Конечно, хлороформъ всегда сохраняетъ свою силу, но мозговое возбужденіе, которому подвержены нѣкоторые больные, позволяютъ имъ противостоять ядовитому дѣйствию;

кажется, какъ будто воля можетъ такъ сказать расти, напрягаться, готовясь къ энергичной борьбѣ противъ роковаго дѣйствія яда, потрясающаго нервныя центры. Какъ мы видѣли съ алкоголемъ наблюдается анологичный эффектъ. Кто не хочетъ напиться будетъ въ состояніи поглотить значительное количество алкоголя не пьянѣя. Подъ конецъ воля будетъ побѣждена и онъ повалится на землю, но онъ не испытаетъ радостнаго настроенія и полусознательнаго возбужденія того, кто отдается опьяненію. Такимъ образомъ, при хлороформѣ, какъ и при алкогольѣ нравственное состояніе имѣетъ большое вліяніе на форму бреда. Кто съ улыбкой принимаетъ хлороформъ, тотъ получаетъ радостное, веселое опьяненіе, въ то время какъ тотъ, кто подвергается ему съ ужасомъ падаетъ въ бредъ, сопровождаемый воплями и стонами.

И такъ, чѣмъ далѣе подвигаемся мы въ этомъ изслѣдованіи тѣмъ болѣе убѣждаемся, что между различными интеллектуальными способностями существуетъ антогонизмъ; съ одной стороны сознательныя способности, съ другой — безсознательныя. Послѣднія исчезаютъ позже первыхъ; возникновеніе идей; въ то время какъ ихъ направленіе измѣнено и нарушено, продолжаетъ слѣдовать своимъ обычнымъ законамъ: ассоціація представленій

по прежнему остается, непрерывная цѣпь, связывающая первую изъ нашихъ мыслей съ послѣдней не разрывается ядомъ. Внѣшнія ощущенія все еще доходятъ до насъ, и каждая изъ нихъ вызываетъ длинныя ряды представлений. Такъ какъ чувство слуха исчезаетъ послѣднимъ, то пациентъ уже не видитъ и не осязая продолжаетъ слышать, что говорится вокругъ него, и слова присутствующихъ порождаютъ тотчасъ въ его сознаниі всевозможныя мысли, которыя правильно слѣдуютъ другъ за другомъ. Въ обыкновенномъ снѣ встрѣчается подобное же состояніе, рѣдко у взрослыхъ, но довольно часто у субъектовъ очень молодыхъ. У дѣтей, дѣйствительно, почти всегда существуетъ въ нѣкоторой степени естественный сомноамбулизмъ: не просыпаясь, ребенокъ громко говоритъ; то онъ смѣется и болтаетъ, чаще же всего пугается и плачетъ. Мать, бодрствующая у его изголовья, можетъ кроткими словами и нѣжными ласками измѣнить теченіе его мыслей и успокоить это волненіе, этотъ страхъ. Ребенокъ не просыпается, но его испугъ стихаетъ, спокойствіе возвращается и онъ мирно продолжаетъ свой укрѣпляющій сонъ. По пробужденіи всякое воспоминаніе исчезло. При умственномъ разстройствѣ старались примѣнить этотъ методъ, съ цѣлью измѣнить теченіе бреда меланхоликовъ или ипохондриковъ. Я впрочемъ не думаю, чтобы „внушеніе“ давало хорошіе ре-

зультаты. Видя больного, погруженнаго въ мрачный бредъ, ему мимоходомъ нашептываютъ въ ухо какія-нибудь смѣшныя, веселыя мысли въ надеждѣ, что пріятныя представленія возродятъ серію подобныхъ же идей, и подъ конецъ восторжествуютъ надъ грустью и ужасами меланхолическаго бреда.

Но всѣ внѣшнія явленія, которыя свидѣтельствуютъ о сохранности, если не о цѣльности сознанія, подъ дальнѣйшимъ дѣйствіемъ яда исчезаютъ. За криками, за шумными пѣснями слѣдуютъ безсвязныя непонятныя слова. Мускулы судорожно сокращавшіеся вслѣдствіе сильнаго бреда, медленно ослабѣваютъ и подъ конецъ становятся неподвижными. За періодомъ возбужденія слѣдуетъ такъ называемый періодъ „уничтоженія“ во время котораго наступаетъ глубокій сонъ. Какова бы ни была сила внѣшняго возбужденія, какъ бы ни была серьезна исполняемая операція, никто не въ состояніи вывести пациента изъ каматознаго состоянія, въ которое онъ погруженъ. Дыханіе его правильно, пульсъ медленный и полный; зрачки неподвижны, мускулы лица точно парализованы, нѣтъ болѣе той конвульсивной гримасы, которая является какъ бы послѣднимъ признакомъ чувствительности. Сознаніе уничтожено: кажется будто оно покинуло тѣло, и можно было бы провести только нравственное различіе между

усыпленіемъ подъ хлороформомъ и спячкой отъ опьяненія. Какая же однако разница! Первое предназначено, чтобы воспрепятствовать человѣческому существу страдать, второе— послѣдній предѣлъ паденія и униженія человѣческаго достоинства; но въ обоихъ случаяхъ всякое проявленіе умственной жизни исчезло: это временная смерть, которая поражаетъ умственныя способности, и въ теченіе которой то чудесное сцѣпленіе идей, ощущеній и воспріятій, изъ котораго составляется мышленіе человѣка, оказывается грубо разорваннымъ. Можетъ быть въ самой глубинѣ нервныхъ тканей происходитъ еще мозговая работа, безсознательная и молчаливая, но мы не можемъ знать о ней; ничто, впрочемъ, не даетъ намъ права допустить, что сознание продолжаетъ держаться, когда всякая память исчезла и когда ни одно внѣшнее движеніе мускуловъ не выдаетъ глубокой работы, которая скрытно совершалась бы въ умственныхъ нервныхъ центрахъ.

Однако, не всѣ части нервной системы головно-спиннаго мозга парализованы; въ самомъ дѣлѣ, дыханіе и біеніе сердца совершаются правильно, что указываетъ на неприкосновенность продолговатаго мозга; тогда какъ другія части головного и спиннаго мозга не могутъ болѣе выполнять своихъ функцій; эта неприкосновенность нервныхъ отвѣтвленій

продолговатаго мозга представляется условіемъ, которое позволяетъ хирургамъ давать хлороформъ безъ большаго риска. Необходимо, однако, постоянно бдительно слѣдить за состояніемъ пульса и дыханія, такъ какъ въ слишкомъ сильныхъ дозахъ, хлороформъ, въ концѣ концовъ, можетъ подѣйствовать и на нервную систему продолговатаго мозга, который завѣдуетъ движеніями органической жизни. Какъ бы то ни было, смерть отъ хлороформа случается все рѣже и рѣже, и скорѣе бывають случаи внезапной, неожиданной смерти, чѣмъ отъ непосредственнаго дѣйствія хлороформа. Что касается спиннаго мозга, въ веденіи котораго находятся общія движенія всѣхъ мускуловъ тѣла, то онъ подвергается вліянію яда, позже чѣмъ головной мозгъ, но ранѣе чѣмъ продолговатый, такъ что три области нервной системы, которыя завѣдуютъ тремя различными отправлениями, повидимому, подвержены этому дѣйствію отдѣльно и послѣдовательно во времени. Кладъ Бернаръ показалъ, что головной мозгъ парализуется раньше спиннаго, такъ что чувствительность бываетъ поражена въ то время какъ подвижность остается еще неприкосновенной; онъ показалъ также, что головной мозгъ производитъ на спинной нѣчто въ родѣ парализующаго дѣйствія. ишя спинной мозгъ хлороформа и ограничивая дѣйствіе хлороформа однимъ головнымъ мозгомъ, получаютъ ане-

стеziю; тогда какъ, если произвести обратную операцію, т. е. ограничить дѣйствіе хлороформа однимъ спиннымъ мозгомъ, препятствуя головному мозгу подвергаться дѣйствию яда, анестезія окажется невозможной ранѣе полной смерти нервныхъ клѣточекъ. Такимъ образомъ подтверждается различіе, слѣланное нами между ядами, дѣйствующими на нервную систему: одни дѣйствуютъ на подвижность, другіе на органическія отправления, третьи, наконецъ, на чувствительность и сознаніе, и хлороформъ принадлежитъ къ числу этихъ послѣднихъ.

Многія летучія и ядовитыя вещества дѣйствуютъ такъ же, какъ и хлороформъ и, въ случаѣ надобности, могли бы замѣнить его; но на дѣлѣ хлороформъ остается во главѣ анестезирующихъ веществъ. Эфиръ, амилень, хлористыя соединенія метилена и даже этиленъ испытывались одинъ за другимъ, но безъ большого успѣха, за исключеніемъ, пожалуй, эфира, который находитъ еще сторонниковъ, въ особенности въ ліонскихъ госпиталяхъ. Нѣкоторые газы имѣютъ аналогичныя свойства, въ особенности закись азота. Гумфри Деви, открывшій это тѣло въ началѣ настоящаго столѣтія въ тоже время замѣтилъ, что оно можетъ сообщать родъ веселаго опьяненія и потому назвалъ его „увеселительнымъ газомъ“. Съ тѣхъ поръ было признано, что

закись азота обладаетъ свойствомъ приводить въ веселое опьяненіе, но не въ большей степени, чѣмъ другія тѣла, и что форма бреда, возникающая при вдыханіи закиси азота, зависитъ отъ самого индивидуума и отъ его моральнаго настроенія. При серьезныхъ операціяхъ закисью азота вовсе не пользуются; употребленіе же его преимущественно въ зубной хирургіи для вызова анестезіи быстро наступающей и также быстро исчезающей. Недавно въ терапію введено новое тѣло, довольно сходное съ хлороформомъ по своему химическому составу и по нѣкоторымъ физиологическимъ свойствамъ: я говорю о хлоралѣ. Пробовали употреблять хлоралъ съ тою же цѣлью, какъ и хлороформъ, т. е. для полученія анестезіи при хирургическихъ операціяхъ; однако, полученные результаты были мало удовлетворительны. Нужны огромныя дозы хлорала, чтобы уничтожить всякій слѣдъ чувствительности. Тѣмъ не менѣе хлораломъ не слѣдуетъ пренебрегать; онъ успокаиваетъ мѣстныя боли и даетъ спокойный и пріятный сонъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его дѣйствіе аналогично скорѣе съ дѣйствіемъ морфина, чѣмъ хлороформа. Однако, весьма вѣроятно, что хлоралъ, введенный въ кровь, распадается на хлороформъ и муравейнокислый натръ, по химической формулѣ, открытой Персономъ. Въ сущности, впрочемъ, всѣ яды, дѣйствующіе на чувст-

вительность, дѣйствуютъ почти одинаково и въ ихъ дѣйствіяхъ легче открыть аналогію, чѣмъ разницу.

IV.

Въ то время какъ хлороформъ, алкоголь во всеобщемъ употребленіи въ Европѣ и дѣйствіе ихъ основательно изслѣдовано, гашишъ почти совсѣмъ неизвѣстенъ намъ. Между тѣмъ производимое имъ опьяненіе очень пріятно и представляетъ особенности, которыя были бы, можетъ быть, по достоинству оцѣнены въ Парижѣ или въ Лондонѣ, какъ они цѣнятся теперь въ Каирѣ или Дамаскѣ; но гашишъ существуетъ только на Востокѣ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ г. Моро изъ Тура, такъ сказать, открылъ его европейцамъ въ своей замѣчательной книгѣ. Нѣкоторые писатели: Бальзакъ, Теофиль Готье, Жераръ-де-Нерваль устраивали въ отелѣ Пимоданъ вечернія собранія, на которыхъ гашишъ игралъ главную роль. Въ сущности это были опыты, превлекавшіе не только прелестью невѣдомаго, но и всѣмъ очарованіемъ психическаго ошеломленія, гораздо болѣе дѣйствовавшаго на умъ, чѣмъ опьяненіе виномъ. Одно время гашишъ былъ въ модѣ, но это время прошло, и теперь только въ видѣ исключенія попадаютъ то-тамъ, то-сямъ его любители.

Гашишъ—настоя индійской конопли. Этотъ экстрактъ съ подмѣсью всякаго рода благовоній и растительныхъ маслъ „давамекъ“, родъ, производящаго тошноту, варенья, который принимаютъ передъ ѣдой. Еще бываетъ гашишъ, который курятъ въ трубкахъ или въ папиросахъ; этотъ послѣдній наиболѣе употребителенъ на Востокѣ. Водный экстрактъ называется „гафиунъ“ и дѣйствуетъ сильнѣе обоихъ предыдущихъ препаратовъ. Берется приблизительно 4 части „давамеска“ на одну часть „гафиуна“. Узнать дальнѣйшіе способы приготовленія гашига на Востокѣ довольно трудно и потому приходится довольствоваться такимъ, какой удастся приготовить, но, если имѣются, лишь недостаточныя фармацевтическія свѣдѣнія объ этомъ веществѣ, за то психическій эффектъ его извѣстенъ гораздо лучше. Я буду говорить о гашишѣ, основываясь не на однихъ свѣдѣніяхъ, полученныхъ мною отъ Моро или заимствованныхъ изъ его замѣчательной книги, я самъ принималъ гашишъ довольно часто и въ различныхъ дозахъ, я заставлялъ принимать его многихъ изъ моихъ друзей и потому буду описывать свойства этого вещества главнымъ образомъ на основаніи собственныхъ наблюденій. Въ умѣренныхъ дозахъ производимое имъ ошеломленіе весьма пріятно и весьма поучительно для точнаго знакомства съ явленіями психики и не пред-

ставляетъ серьезныхъ неудобствъ. Легкое разстройство пищеваренія, нѣкоторая тяжесть въ головѣ и мозговое возбужденіе—вотъ и все, чего можно опасаться послѣ приѣма со-отвѣтственнаго количества „давамеска“ или „гафіума“. Для непредупрежденнаго заранѣе первоначальное дѣйствіе гашиша можетъ пройти почти незамѣтно. Оно выражается въ легкой возбудимости двигательныхъ и ощущающихъ нервовъ спиннаго мозга. Чувствуются колотья въ затылкѣ, въ спинѣ, въ ногахъ, по тѣлу пробѣгаетъ дрожь, ощущается какъ-бы приступы жара или холода, которые бросаются въ голову; при всемъ этомъ господствуетъ какое-то сознаніе благоденствія, которое не знаешь чему приписать, и то самое общее чувство довольства, которое всякій болѣе или менѣе испыталъ, принявъ извѣстное количество алкоголя. Мало-по-малу возбужденіе спиннаго мозга производитъ болѣе характерные эфѣкты. Субъектъ волнуется, прохаживается взадъ и впередъ, потягивается на всѣ лады; у него является желаніе плясать, двигаться, поднимать огромныя тяжести, и среди этого возбужденія, чистомышечнаго, сознаніе остается спокойнымъ. Но вдругъ, по поводу какого нибудь слова, случайно сказаннаго кѣмъ-либо изъ присутствующихъ, благодаря какому нибудь самому естественному замѣчанію, васъ охватываетъ смѣхъ, почти невольный

смѣхъ продолжительный нервный, судорожный, котораго вы не сумѣли бы объяснить и который кажется нескончаемымъ. Когда этотъ необычайный взрывъ смѣха миновалъ, онъ кажется смѣшнымъ. Вы приходите въ себя и понимаете, что такъ смѣялись только отъ того, что подвергались дѣйствию яда.

Начиная съ этого момента, мысли текутъ все съ большей и большей быстротой. Это какой-то фейерверкъ, снопъ пламени, рассыпающійся по всѣмъ направленіямъ. Идея слѣдуетъ за идеей съ головокружительной быстротой. Мысли проходятъ, уходятъ, тѣсняются въ беспорядкѣ, безъ видимаго закона, въ дѣйствительности же, слѣдуя роковому закону ассоціаціи представленій и впечатлѣній. Рѣчь взволнованная, почти яростная; мы удивляемся, что окружающие насъ не раздѣляютъ нашего опьяненія: мы негодуемъ на ту медленность съ которой возникаютъ ихъ представленія. Напрасно старались бы мы выразить все, что мы испытываемъ: языкъ не въ состояніи поспѣть за быстро несущимися мыслями. Каковы бы ни были эти мысли грустныя или радостныя, горделивыя или унижительныя, великодушныя или грустныя, онѣ всегда преувеличены. Какъ и при опьяненіи нѣтъ болѣе предѣловъ нѣтъ точныхъ границъ.

Quos ultra citraque nequit consistere rectum *).

Какъ врачи говорятъ объ увеличившейся въ объемѣ ткани, что она гипертрофирована, также можно было бы сказать, что въ данномъ случаѣ происходитъ гипертрофія идей. То что въ нормальномъ состояніи вызвало бы въ насъ только легкую скуку, теперь становится невыносимымъ страданіемъ, которое заставляетъ насъ лить слезы и жаловаться на судьбу. Самыя обыденныя вещи вызываютъ театральные эффекты, и мы съ трагическимъ паѳосомъ говоримъ о томъ, что уже поздно или что вѣтеръ дуетъ. Всякій вздоръ приводитъ насъ въ ребяческій восторгъ, который мы даже не пытаемся скрывать. Наше самолюбіе возбуждено до того, что мы постоянно склонны видѣть на лицахъ окружающихъ насъ выраженіе презрѣнія къ намъ, а между тѣмъ мы сами готовы презирать ихъ за ихъ мнимое невѣжество, до такой степени человѣкъ подъ вліяніемъ гашиша ставитъ высоко себя надъ другими людьми. Такимъ образомъ не говоря уже объ измѣненіи ощущеній, совершенно преобразовывается и нравственная личность. Не знаю, было ли уже замѣчено, въ какой степени всѣ эти явленія сходны съ тѣмъ, что наблюдается при истеріи. Вообще истеричныя женщины бываютъ весьма даровиты;

..... Границъ, по ту и по сю сторону которымъ нѣтъ мѣста правильному.

имъ приходятъ въ голову блестящія идеи, у нихъ живое и богатое воображеніе; но какъ бы ни было высоко развито ихъ сознание, оно страдаетъ недостатками въ двухъ главныхъ пунктахъ: преувеличеніе ощущеній и отсутствіе воли. И вотъ эта двойственность является и подъ вліяніемъ гашиша.

Преувеличеніе ощущеній дѣлаетъ то, что для истеричныхъ, какъ и для людей, находящихся подъ вліяніемъ гашиша, всѣ идеи, всѣ чувства, какъ радость, такъ и горе лишены мѣры. Самолюбіе ихъ возбуждено до того, что имъ нельзя сдѣлать самаго легкаго замѣчанія, не нанося имъ жестокой обиды. Часто они принимаютъ за оскорбленіе какое-нибудь выраженіе, не заключающее въ себѣ ничего оскорбительнаго. Онѣ стремятся драматизировать жизнь. Скромная житейская обстановка, въ которую онѣ поставлены силою вещей, не мѣшаетъ имъ удовлетворять этой театральной склонности. Онѣ постоянно готовы играть съ одинаковымъ успѣхомъ комедію или трагедію на плоской сценѣ дѣйствительности. Страхъ, радость, боль, гнѣвъ, все у нихъ становится драматичнымъ; и эти страсти являются почти безъ всякой причины, такъ сказать, не предвидѣнно, удивляя всѣхъ своей внезапностью, своей измѣнчивостью и напряженностью. Подъ вліяніемъ гашиша, какъ я уже сказалъ, наблюдается точно такое же

преобразование ощущений. Помню, какъ одинъ изъ моихъ друзей, находившійся въ состояніи опьяненія послѣ приѣма гашиша, пришелъ въ ужасъ при видѣ шпильки, съ помощью которой я хотѣлъ испытать степень его чувствительности. Онъ съ крикомъ бѣжалъ, точно я собирался нанести ему тяжелую рану, потомъ бросился къ моимъ ногамъ, умоляя меня во имя нашей дружбы и всего, что есть для меня дорогого, не подвергать его этой жестокой казни, и чтобы выразить свой ужасъ и вымолить у меня помилованіе, онъ прибѣгалъ къ такимъ трагическимъ жестамъ, смѣшнѣе которыхъ я ничего не видывалъ.

Немощь воли у истеричныхъ весьма замѣчательна. Онѣ не способны поддерживать равновѣсія своего настроенія и владѣть своими чувствами; они, какъ говорится, болтаютъ *все что имъ взбредетъ въ голову*; едва зародилась у нихъ какая нибудь мысль, какъ онѣ уже громко выражаютъ ее, не заботясь о послѣдствіяхъ. Такимъ образомъ, словоизверженіе является послѣдствіемъ не только гиперидеаціи, но, главнымъ образомъ, желаніемъ громко выразить свои мысли. По этому стоитъ немножко поговорить съ истеричной, чтобы имѣть случай уличить ее въ противорѣчіи, во лжи, въ странности мыслей, такъ какъ сужденіе и воля не исправляютъ ошибокъ. По этой причинѣ при-

ступы гнѣва, грусти или радости не укрощаются: чувства господствуютъ безгранично. Той рѣшающей власти, которая указываетъ о чемъ должно молчать не знаютъ истеричныя.

Вотъ эта-то власть надъ самимъ собой совершенно исчезаетъ при опьяненіи гашишомъ. Мы не можемъ болѣе владѣть собой, мы не принадлежимъ болѣе себѣ и отдаемся безъ удержа всякому представленію сознанія, болѣе или менѣе основательному. Я здѣсь спокойно слушалъ довольно серьезную бесѣду, но вдругъ по поводу какой нибудь фразы, я принялся прыгать отъ радости и выражать свой восторгъ, превознося только что сдѣланное замѣчаніе. Моя мысль не была нелѣпа, она была только преувеличена, и какъ только мнѣ стало ясно, что я выразилъ внѣшними дѣйствіями и словами то, что думалъ, *неволью*, такъ сказать *помимо самого себя*, я тотчасъ же опомнился и былъ сконфуженъ своимъ поведеніемъ. И, правду сказать, я до сихъ поръ не знаю, что подумали обо мнѣ присутствовавшіе при этой досадной сценѣ. Конечно, я бы не сдѣлался жертвой подобной неприличной выходки, если бы принялъ болѣе сильную дозу, такъ какъ въ такомъ состояніи человѣкъ понимаетъ очень хорошо, что онъ уже не владѣетъ собой. Происходитъ нѣчто въ родѣ раздвоенія мысли, благодаря которому мы больше не являемся сознательными распо-

рядителями собственных словъ и жестовъ. Мы не доверяемъ сами себѣ, боимся собственныхъ мыслей. Потому мы избѣгаемъ общества, стараемся уединиться или оставаться въ обществѣ нашихъ близкихъ, чтобы не служить предметомъ зрѣлища. Одинъ изъ моихъ друзей, принявъ нѣкоторое количество гашиша, волновался и настоятельно просилъ отвести его домой. „—Я не знаю, что вздумаю сдѣлать, говорилъ онъ, я могу надѣлать глупостей“. Всякій разъ, когда у него являлось просвѣтленіе, это опасеніе, довольно, впрочемъ, справедливое, снова овладѣвало имъ. Это сознаніе безсилія собственной воли встрѣчается также и въ извѣстныхъ патологическихъ случаяхъ, и довольно часто врачи въ домахъ умалишенныхъ наблюдаютъ, какъ несчастные, придя въ себя, умоляютъ запереть ихъ, говоря, что чувствуютъ, какъ возвращается къ нимъ ихъ безуміе, и что они могутъ податься какому-нибудь пагубному побужденію.

Однако эти психическія явленія не самыя характерныя для гашиша. Есть еще два другія, которыя встрѣчаются лишь въ несовершенномъ видѣ при иныхъ способахъ отравленія—это измѣненіе въ сужденіи о времени и пространствѣ. Время кажется безконечнымъ (несоразмѣрно продолжительнымъ). Между двумя идеями, ясно возникшими, кажется

будто возникло безконечное множество другихъ, не вполне опредѣлившихся, незаконченныхъ идей, которыя лишь смутно сознаются и изумляютъ своей численностью и растяжимостью. Именно, кажется, что число этихъ идей безконечно, и такъ какъ время измѣняется только воспоминаніемъ о мысляхъ, то оно кажется страшно продолжительнымъ. Представимъ себѣ на примѣръ, что на протяженіи одной секунды у насъ возникло 50 различныхъ мыслей; а такъ какъ для возникновенія 50-ти мыслей при нормальномъ состояніи требуется нѣсколько минутъ, то намъ покажется, что прошло именно нѣсколько минутъ, и только слѣдя по часамъ за протекшимъ временемъ, мы убѣждаемся въ своей ошибкѣ. При гашишѣ сужденіе о времени вполне извращено: секунды кажутся годами, минуты вѣками. Чувствую, однако, что языкъ недостаточенъ для уясненія этой иллюзіи и думаю, что ее можно понять только испытавъ на самомъ себѣ. Кажется будто присутствуешь при медленномъ и мѣрномъ паденіи часовъ въ песочной склянкѣ.

Этой иллюзіи нельзя ни съ чѣмъ сравнить, хотя, впрочемъ, въ сновидѣніи или скорѣе въ томъ промежуточномъ состояніи, которое не представляется болѣе бодрствованіемъ, но еще не сонъ, иногда испытывается нѣчто подобное. Помнится мнѣ, что однажды, работая

съ однимъ изъ своихъ друзей, одолѣваемый сонливостью, я просилъ его дать мнѣ вздремнуть нѣсколько минутъ; когда я проснулся, онъ увѣрилъ меня, что я едва закрылъ глаза на одну секунду; между тѣмъ этотъ короткій промежутокъ времени показался мнѣ очень долгимъ, и я успѣлъ видѣть сонъ весьма сложный и при томъ очень подробный. Благодаря многочисленности возникшихъ въ моей головѣ мыслей, продолжительность протекшаго времени, показалась мнѣ значительной. Точно также одинъ заснувшій субъектъ внезапно пробудился вслѣдствіе паденія алькова надъ его постелью. И этотъ толчокъ тотчасъ же далъ поводъ къ возникновенію цѣлаго ряда идей, для передачи которыхъ нужно гораздо больше времени, чѣмъ для ихъ возникновенія. Нашъ субъектъ видитъ себя вознесеннымъ на высокую гору; онъ окруженъ цѣлой толпой враговъ; его низвергаютъ съ высоты скалы. Паденіе длится, какъ ему кажется, цѣлая столѣтія; онъ готовъ разбить себѣ голову о дно пропасти. Для возникновенія всѣхъ этихъ мыслей едва понадобилось полъ секунды времени, потребнаго для того, чтобы проснуться отъ паденія деревянной подпорки. Подобную иллюзію можно вызвать даже въ нѣкоторомъ родѣ психологическимъ опытомъ. Такъ, на примѣръ, при ѣздѣ въ каретѣ, если васъ клонитъ ко сну и вы стараетесь противиться этому, вы будете открывать и закрывать глаза

чрезъ небольшіе промежутки времени, и пройденное пространство также какъ и протекшее время, въ продолженіи котораго глаза оставались сомкнутыми, покажутся намъ чрезмѣрными. Нѣтъ даже надобности во снѣ для воспроизведенія этой иллюзіи времени. При смыканіи глазъ пройденный путь, т. е. время, въ теченіе котораго онъ пройденъ, покажется безконечнымъ. Тотъ, кому знакома дорога и который знаетъ, что она не длинна, каждый разъ будетъ думать, что онъ уже пріѣхалъ, и каждый разъ, открывая глаза, онъ испытываетъ новое разочарованіе. Дѣло въ томъ, что, погружаясь такимъ образомъ въ самого себя, не видя и не слыша ничего, мы имѣемъ самое несовершенное сужденіе о дѣйствительно протекшемъ времени. Напротивъ, когда всѣ наши чувства бодры и внимательны, они постоянно исправляютъ ощущенія, основанныя исключительно на психическихъ данныхъ. Такимъ образомъ, мы лишь весьма неточно сознаемъ тѣ услуги, которыя оказываютъ намъ всѣ наши чувства въ каждое мгновеніе, и только размышляя и анализируя психическіе факты, мы успѣваемъ отдать себѣ полный отчетъ въ этомъ.

Какъ бы то ни было, въ сновидѣніи и во снѣ эта иллюзія относительно продолжительности времени смутна и не рѣзко обозначена. Напротивъ, подъ вліяніемъ гашиша она до-

стигаетъ удивительной ясности. Столь же изумительна и иллюзія зрѣнія, которая дѣлаетъ то, что очень короткія разстоянія кажутся намъ огромными. Не знаю, наблюдалась-ли подобная иллюзія при другихъ условіяхъ, кромѣ отравленія гашишемъ; съ своей стороны я бы не сумѣлъ дать ей разумнаго объясненія. Самое описаніе является довольно затруднительнымъ. Благодаря иллюзіи зрѣнія, какой-нибудь мостъ, какая-нибудь аллея кажутся безконечными. Входя по лѣстницѣ, вамъ кажется, что площадки поднимаются до неба. Рѣка, противоположный берегъ который вы видите, кажется вамъ шириною въ морской проливъ. Напрасно вы отдаете себѣ отчетъ въ заблужденіи, жертвой котораго дѣлаетесь; сужденіе не можетъ исправить этой видимости, и вы говорите:—Вотъ мостъ, который имѣетъ въ длину 100 метровъ, но мнѣ кажется, что онъ растянулся на 100.000 метровъ. Кромѣ этихъ двухъ иллюзій пространства и времени, очень упорныхъ и продолжающихся нерѣдко въ теченіе 24 часовъ послѣ введенія яда, существуютъ, какъ и можно предположить, другія странныя иллюзіи. Однако галлюцинаціи бываютъ рѣдко, хотя Моро и наблюдалъ замѣчательный примѣръ.

Провести различіе между галлюцинаціей и иллюзіей иногда бываетъ весьма трудно; существуетъ однако же разница между этими

двумя болѣзненными проявленіями психической дѣятельности. Когда помѣшанный видитъ возлѣ себя призракъ, который ходитъ и говоритъ—это галлюцинація; но если кто-нибудь въ очень темную ночь приметъ пень дерева за призракъ—это будетъ иллюзія. Иллюзія предполагаетъ дѣйствительное ощущеніе, воспріятіе котораго было только преувеличено и ложно, тогда какъ галлюцинація является самопроизвольно и не требуетъ для своего возникновенія какого-нибудь предварительнаго ощущенія.

И вотъ при гашишѣ ощущенія до того преувеличены, что даютъ мѣсто безчисленнымъ иллюзіямъ. Окружающія насъ особы строятъ гримасы, кажется, какъ будто онѣ смѣются надъ нами, презираютъ насъ; въ ихъ чертахъ читаемъ мы ужасъ, гнѣвъ, недовольство, всѣ чувства, которыхъ онѣ въ дѣйствительности и не думаютъ испытывать. Малѣйшій шумъ раздается въ нашихъ ушахъ трескомъ, чудовищнымъ водопадомъ, гармоническими звуками фанфоръ и т. п. Нѣсколько музыкальных нотъ преобразуются въ цѣлый концертъ съ божественными аккордами, производящими на насъ чарующее впечатлѣніе. Я видѣлъ людей при обыкновенныхъ условіяхъ равнодушныхъ къ музыкѣ, а въ состояніи опьяненія гашишомъ приходившихъ отъ нѣсколькихъ музыкальных звуковъ въ экстазъ,

который описывается въ священныя книгахъ. Мозгъ находится въ такомъ состояніи раздраженія, что малѣйшее возбужденіе извнѣ заставляетъ его вибрировать, такъ сказать, цѣликомъ. Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы описывать всѣ испытываемыя при этомъ ощущенія, я предпочитаю рекомендовать читателю блестящія страницы, которые Готье, большой любитель гашиша, посвятилъ ему въ рассказѣ, подъ названіемъ „*Клубъ любителей гашиша*“.

Послѣ Готье всякія попытки къ подобному описанію были бы рискованы, а потому мы остановимся на другомъ психическомъ явленіи. Предположимъ иллюзію болѣе сильную чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ. Вмѣсто простаго разстройства воспріятія, она станетъ причиной разстройства самого возникновенія идей. Въ обыкновенной жизни внѣшнія впечатлѣнія пробуждаютъ въ насъ многочисленныя мысли. Кромѣ ассоціаціи представленій между собой, существуетъ еще ассоціація идей съ этими представленіями, на примѣръ, ощущенія вкуса, запаха, слышимый нами звукъ порождаетъ безконечное множество представленій, слѣдующихъ по тому направленію, которое намъ заблагоразсудится дать имъ. Тутъ способность вниманія остается еще въ полной силѣ. Благодаря ей, мы можемъ задерживать извѣстный родъ представленій, которыя вызываетъ вкусъ, запахъ

или звукъ. Часто, когда наше вниманіе остановлено на какомъ-нибудь одномъ предметѣ, мы ничего не слышимъ, не видимъ изъ того, что происходитъ внѣ этого предмета. Въ дѣйствительности мы слышимъ и видимъ, но воля и вниманіе непосредственно, не предупреждая насъ, опускаютъ и уничтожаютъ это новое ощущеніе, такъ что оно доходитъ до сознанія, не оставляя въ немъ слѣда. При опьяненіи гашишемъ, благодаря потерѣ воли, благодаря также интенсивности воспріятій и мозговому возбужденію, внѣшнее впечатлѣніе порождаетъ представленіе бреда. Ничто не можетъ наложить здѣсь узду. Подобно тому, какъ камень, сорвавшійся съ горы, не можетъ остановиться въ своемъ паденіи, пригаетъ со скалы на скалу, увлекая за собой комья снѣга и земли, такъ и ощущенія стремятся далѣе, разростаясь и преобразовываясь въ этой таинственной лабораторіи умственныхъ способностей. Во снѣ, на примѣръ, уколъ булавкой заставляетъ насъ представлять себѣ, что насъ ранятъ, кинжаломъ при самыхъ странныхъ обстоятельствахъ и легкое покачиваніе постели заставляетъ насъ думать не только о землетресеніи, но и во всемъ, что съ нимъ связывается. Могу привести аналогичные примѣры ошибочныхъ представленій при опьяненіи гашишомъ. Колотья, которыя ощущаются въ конечностяхъ и въ сцинѣ часто бываютъ от-

правнымъ пунктамъ для цѣлой массы нелѣпыхъ идей. Однажды, кажется, въ отелѣ Пимоданъ г-нъ N. сидѣлъ за столомъ и пилъ гашишъ. Позади него висѣла великолѣпная копія съ картины Сильватора Розы, находящейся въ Луврѣ и представляющая сраженіе. На первомъ планѣ въ полномъ освѣщеніи строгій крупъ большой пѣгой лошади, которая внезапно встаетъ на дыбы передъ копьемъ одного милиціонера. На одинъ моментъ г-нъ N почувствовалъ болѣзненный уколъ въ шею и тотчасъ же подъ вліяніемъ быстро возникшаго и произвольнаго представленія, онъ вообразилъ, что это находившаяся за его спиной лошадь ударила его копытомъ въ затылокъ. Такимъ образомъ реальное ощущеніе было причиной завѣдомо ложнаго представленія. Если бы доза гашиша была сильнѣе, несомнѣнно это заблужденіе продолжалось бы, но г-нъ N. былъ только въ началѣ опьяненія, и ложная мысль была быстро исправлена способностью сужденія, остававшейся еще почти нетронутой.

Маро настаиваетъ на сходствѣ существующемъ между этими иллюзіями подъ вліяніемъ гашиша и систематическимъ бредомъ сумашедшихъ. У большинства помѣшанныхъ сумасбродная идея имѣетъ реальную точку отправленія: ощущеніе, боль, впечатлѣніе извнѣ. Отправляясь отъ этого начала, помѣ-

шенные при помощи ряда большею частью вполне логичныхъ выводовъ, приходятъ къ цѣлой системѣ ошибочныхъ представленій. Положимъ они страдаютъ тошнотой и гастроическими болями; отсюда они заключаютъ, что ихъ отравили, что ихъ хотятъ убить, что со всѣхъ сторонъ дѣйствуютъ ихъ враги, которые примѣшиваютъ ядъ ко всякой пищѣ. Самые неопровержимые доводы разбиваются объ этотъ бредъ, и было бы бесполезно пускаться въ опроверженія; они продолжаютъ твердить свое, что у нихъ—доказательства справедливости ихъ обвиненій, что они хорошо видятъ, какъ ихъ пытаются отравить. Точно тоже самое встрѣчается и при опьяненіи гашишомъ. Каждое ощущеніе тотчасъ же порождаетъ безумную мысль, вѣрнѣе тысячу безумныхъ мыслей. Такимъ образомъ предъ нами какъ бы разрывается завѣса. Въ видѣ этого вещества, мы какъ бы получаемъ цѣнный даръ присутствовать при самой работѣ сознанія, таинственной и происходящей въ тиши при нормальныхъ условіяхъ; процессъ возникновенія нашихъ мыслей не таится болѣе. Мы видимъ, какъ все связывается и сцѣпляется, мы являемся очевидцами появленія на свѣтъ собственныхъ идей; къ несчастью, мы болѣе не хозяева надъ ними и должны слѣдовать за ихъ беспорядочнымъ теченіемъ. Поэтому состояніе сна, безумія и отравленія гашишемъ являются до того ана-

логичными между собой, что нѣтъ возможности установить между ними существеннаго различія. Впечатлѣнія извнѣ становятся всемогущими и сознание безъ удержу отдается побужденію чувства. Весьма вѣроятно, что внѣшнія возбужденія преобразовываютъ нѣкоторыя мысли и порождаютъ новыя; но мы сознаемъ ихъ лишь по стольку, поскольку желаемъ этого. Воля и вниманіе покрываютъ густой завѣсой эту бессознательную работу и среди сложной дѣятельности умственныхъ операцій, сознание видитъ только то, что хочетъ видѣть. Опьяненіе гашишемъ отличается отъ опьяненія алкоголемъ и хлороформомъ тѣмъ, что при первомъ память остается нетронутой. Мы вспоминаемъ съ изумительной точностью все, что мы видѣли, дѣлали и говорили. Однако, если доза яда сильнѣе, потеря памяти полная; тогда бываетъ бредъ, бредъ неистовый. Въ такой дозѣ гашишъ имѣетъ свои опасности, хотя я не думаю, чтобы былъ отмѣченъ хоть одинъ случай смерти въ Европѣ. Однако, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ наблюдается бредъ, продолжающійся нѣсколько дней и принимающій тревожные размѣры.

Впрочемъ, такъ какъ при приѣмѣ гашиша никогда нельзя знать, какое дѣйствіе произведетъ та или другая доза его, полезно заставить слѣдить за собой кого либо вполне

сохранившаго разсудокъ. Безъ этой предосторожности субъектъ, подвергшійся опьяненію гашишемъ, можетъ, пожалуй, выброситься изъ окна, такъ какъ чувствуетъ себя такимъ легкимъ и подвижнымъ, что способенъ вообразить, что у него выросли крылья. Кромѣ этой формы бреда, есть еще масса другихъ, поражающихъ своей странностью и неожиданностью.

На востокѣ гашишъ во всеобщемъ употребленіи. Почти всегда его курятъ въ большихъ трубкахъ, которыя обходятъ въ круговую. Куреніе этихъ трубокъ доставляетъ большое наслажденіе и сопровождается выдѣленіемъ своеобразнаго запаха. Входя въ Каиръ или Дамаскъ въ одну изъ извѣстныхъ арабскихъ кофейенъ, чувствуешь этотъ пронизывающій запахъ, который хватается за горло и слегка опьяняетъ даже не курящихъ. Въ такой слабой дозѣ гашишъ производитъ родъ сонливости во время которой внѣшніе предметы принимаютъ фантастическія формы и проходятъ, какъ грезы предъ затуманеннымъ сознаниемъ. Монотонная и гнусливая музыка дѣйствуетъ сладостнымъ и убаюкивающимъ образомъ при этой дремотѣ. На стѣнахъ виднѣются грубыя изображенія странной формы, синяго или краснаго цвѣта, верблюдовъ, забавныхъ человѣческихъ фигурокъ, карагезовъ или просто скрещивающихся линій, квадра-

товъ, треугольниковъ. У курильщиковъ эти примитивные рисунки возбуждаютъ восхитительныя иллюзіи, и они воображаютъ себя перенесенными въ рай Магомета. Впрочемъ, для вящаго услажденія праздныхъ курильщиковъ, пѣвецъ затягиваетъ на распѣвъ какой-нибудь длинный рассказъ полу-религіознаго, полу-героическаго характера. Этотъ рассказъ состоитъ изъ куплетовъ, изъ которыхъ каждый музыка заключаетъ своимъ однообразнымъ припѣвомъ. Иногда, кто либо изъ курильщиковъ поднимается, покачиваясь и бормоча что то хриплымъ голосомъ. Это онъ пришелъ въ экстазъ отъ какого нибудь фантастическаго предмета, который онъ увидѣлъ въ бреду и прославляетъ блаженство опьяненія гашишемъ. Тогда всѣ остальные принимаютъ шумно смѣяться и тотчасъ подвліяніемъ того глубокаго религіознаго чувства, которое никогда не покидаетъ восточныхъ людей и незнакомо намъ, вы услышите возгласъ: „Аллахъ да будетъ съ тобой! Слава Аллаху!“ Часто пѣвецъ желая раздѣлить общее блаженное состояніе, проситъ покурить; ему передаютъ благодѣтельную трубку, и онъ съ восхищеніемъ дѣлаетъ нѣсколько затяжекъ. Иногда, чтобы развеселить присутствующихъ, онъ, куря такимъ образомъ, продѣлываетъ забавныя жесты, отъ которыхъ всѣ курильщики помираютъ со смѣху; потомъ возобновляется пѣніе постоянно перемежаясь

съ музыкой, причемъ ни пѣніе, ни музыка, ни гашишъ, повидимому, никого не утомляютъ. Никогда не забуду этого зрѣлища, открывающагося въ какомъ нибудь укромномъ углу шумнаго Дамасскаго базара, при свѣтѣ коптящей лампы, подъ звуки тамбурина и трехструнной гитары! Оно уяснило мнѣ одну изъ сторонъ жизни Востока.

V.

Опіумъ по сравненію съ гашишемъ, можно сказать, почти тоже, что океанъ съ Средиземнымъ моремъ. Гашишъ извѣстенъ только по берегу Сири да въ Нижнемъ Египтѣ, тогда какъ по неизмѣримому побережью Тихаго океана и Китайскихъ морей торговля опіумомъ приняла устрашающіе размѣры. Кромѣ того опіумъ, что еще важнѣе для насъ, Европейцевъ, является самымъ цѣннымъ и самымъ употребительнымъ изъ лѣкарствъ. По выраженію стараго Сиденгама безъ опіума пришлось бы отказаться отъ медицины. Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе этого вещества, мы въ бѣглыхъ чертахъ опишемъ его дѣйствія на нервную систему. Опіумъ это сокъ мака, и какъ существуетъ нѣсколько разновидностей мака, такъ и есть нѣсколько разновидностей опіума, но его собираютъ однимъ и тѣмъ же способомъ. Въ Египтѣ, Сири, Индіи, въ трехъ странахъ, гдѣ существуетъ культура мака, въ голов-

какъ его дѣлаютъ нѣсколько полукруглыхъ надрѣзовъ и тщательно собираютъ сокъ, который вытекаетъ изъ нихъ. Этотъ сокъ, высушенный на солнце, чернѣетъ, сгущается и принимаетъ видъ плотной коричневой массы, которая и есть опиумъ. То, что называютъ лауданомъ, есть растворъ этого опиума въ составномъ винѣ. Поэтому такъ и сходно дѣйствіе опиума съ лауданомъ. Ихъ слѣдуетъ разсматривать, какъ смѣсь нѣсколькихъ тѣлъ, имѣющихъ аналогичныя, но не тождественныя свойства. Со времени Дероена (1804) и Робикъ (1817), которые первые выдѣлили наркотинъ и морфинъ, химики тщательно изучили различныя химическія соединенія, смѣшанныя въ опиумѣ. Такимъ образомъ были открыты кодеинъ, нарцеинъ, тебаинъ, папаверинъ и другія вещества, которыя всѣ представляютъ основанія, т. е. тѣла, способныя соединяться съ кислотами, образуя кристаллическія соли и которыя съ химической точки зрѣнія представляютъ собой амміачныя соединенія чрезвычайно сложнаго состава.

Эти различныя основанія дѣйствуютъ не одинаково на органическія отправления. Такъ снотворная сила наркотина почти равна нулю; можно принять до 2-хъ грам. этого вещества, не испытывая замѣтнаго дѣйствія его, тогда какъ одинъ сантиграмъ морфина,

т. е. дозы въ двѣсти разъ болѣе слабой, обладаетъ достаточной энергіей, чтобы вызвать терапевтическое или фізіологическое дѣйствіе. Тебаинъ не даетъ сна и возбуждаетъ въ животныхъ судороги, похожія на тѣ, которыя получаютъ послѣ стрихнина, тогда какъ морфинъ въ той же дозѣ вызываетъ глубокій сонъ каматознаго характера. Другая, не менѣе замѣчательная сторона въ дѣйствіи алколоидовъ опиума та, что на человѣка они дѣйствуютъ иначе, чѣмъ на животныхъ. Клодъ Бернаръ обнаружилъ интересный фактъ: человѣкъ особенно чувствителенъ къ дѣйствію морфина, тогда какъ тебаинъ едва дѣйствуетъ на него; животныя, напротивъ, испытываютъ дѣйствіе только очень сильныхъ дозъ морфина, между тѣмъ какъ тебаинъ является для нихъ сильнымъ ядомъ. Два грамма морфина не причиняютъ смерти собакѣ, въ то время какъ 10 сантиграммовъ тебаина непременно губили бы ее. Надъ человѣкомъ можно было бы произвести почти обратный опытъ. Принятыя и быстро усвоенныя 10 сантиграммовъ морфина были бы, навѣрное, смертельны для него, между тѣмъ два грамма тебаина имѣли бы менѣе губительное дѣйствіе. Въ общей фізіологіи это различіе въ дѣйствіи ядовитыхъ реагентовъ еще необъяснимо. Извѣстно, что белладона и атропинъ, который является активнымъ веществомъ, содержащимся въ этомъ

растениі, для человѣка страшные яды, тогда какъ на кролика они почти не дѣйствуютъ. Та же доза, которая убила бы 10 крѣпкихъ людей, едва достаточна, чтобы убить кролика. Относительно морфина эта разница не такъ рѣзко обозначена. Однако и въ этомъ отношеніи между человѣкомъ и животными существуетъ антогонизмъ, выражающійся въ томъ, что морфинъ дѣйствуетъ особенно сильно на человѣка; поэтому мы займемся преимущественно морфиномъ, какъ являющимся для человѣка самымъ главнымъ и самымъ энергичнымъ веществомъ, содержащимся въ опиумѣ. Такимъ образомъ описать дѣйствіе морфина, это — тоже, что описаніе дѣйствія опиума, такъ какъ кадеинъ и тебаинъ содержатся въ послѣднемъ въ небольшомъ количествѣ и представляютъ менѣе дѣятельныя вещества. И въ самомъ дѣлѣ, въ медицинской практикѣ прописываютъ почти безразлично морфинъ и опиумъ, что даетъ право соединить ихъ въ общемъ описаніи.

Когда въ „Воображаемомъ больномъ“ добряка Аргана, нарядившагося въ халатъ и больничный колпакъ спрашиваютъ, почему опиумъ усыпляетъ, Арганъ наивно отвѣчаетъ:

— *Quia habet proprietatem dormitivam* *)

Въ настоящее время мы стали болѣе требовательны и, стремясь узнать причину

*) Потому что онъ обладаетъ усыпляющимъ свойствомъ.

всякаго явленія, сдѣлали попытку отыскать источникъ снотворныхъ свойствъ опиума въ состояніи кровообращенія мозга. Нельзя навѣрное утверждать, что истинная причина уже открыта, но самый фактъ исканія уже много значитъ, и развѣ сомнѣніе не первый шагъ къ познанію?

Какъ извѣстно въ мозгу проходитъ безконечное множество артерій, венъ и болѣе мелкихъ сосудовъ, называемыхъ волосными, которые приносятъ нервному веществу кровь, посылаемую сердцемъ. Эти сосуды не представляютъ лишенныхъ всякаго движенія трубокъ, но имѣютъ свою собственную дѣятельность, автономію такъ сказать: они то расширяются, то суживаются. Если надъ собакой или кроликомъ произвести операцію такъ часто прежде производившуюся надъ человѣкомъ и называемую трепанаціей, то увидимъ обнаженную мозговую массу, изоброжденную многочисленными сосудами. Смотря по діаметру этихъ сосудовъ, видъ мозга бываетъ совершенно различный; то онъ фіолетовый, одутловатый, пронизанный толстыми сосудами, которые покрываютъ его по всѣмъ направленіямъ: это приливъ крови къ мозгу; то, напротивъ, блѣднаго цвѣта, освѣщенный сократившійся, въ немъ едва можно различить кровеносныя развѣтвленія: это лишеніе крови или анемія мозга.

Между тѣмъ вслѣдствіе спеціальнаго анатомическаго распредѣленія оказывается, что кровообращеніе глаза является воспроизведеніемъ мозговаго кровообращенія. Такимъ образомъ, когда глазъ налить кровью, то и къ мозгу приливаетъ кровь, и наоборотъ. Понятно, что гораздо легче узнать есть-ли приливъ крови къ глазу, чѣмъ вскрывать черепъ, чтобы судить о состояніи кровообращенія въ мозгу. Есть, впрочемъ, простое средство опредѣлить состояніе глазныхъ кровеносныхъ сосудовъ. То, обладающее способностью сокращаться, круглое отверстіе въ радужной оболочкѣ, которое называется зрачкомъ и которое суживается при свѣтѣ и расширяется въ темнотѣ, бываетъ всегда сужено при приливѣ крови къ мозгу и всегда расширено при мозговой анеміи, при условіи, конечно, что глазъ не подвергается вліянію ни сильнаго свѣта, ни глубокой темноты. Такъ какъ въ нормальномъ снѣ и во снѣ подъ вліяніемъ опиума зрачекъ очень суженъ, то мозгъ въ обоихъ случаяхъ долженъ находиться въ состояніи прилива крови, а отсюда выводъ, что сонъ—слѣдствіе этого мозгового переполненія кровью.

Къ сожалѣнію, эта теорія слишкомъ гипотетична и существуетъ не мало фактовъ, способныхъ склонить къ убѣжденію въ ея несостоятельности. Нѣкоторые изъ англійскихъ фізіологовъ, между прочимъ Дюргемъ

и Гемонтъ доказывали, на примѣръ, многочисленными опытами, что во время сна бываетъ анемія мозга. По ихъ мнѣнію трудно понять, какимъ образомъ притокъ крови къ какому нибудь органу можетъ приводить этотъ органъ въ состояніе покоя, тогда какъ всѣ фізіологическія отправленія должны замедляться только вслѣдствіе замедленія кровообращенія, и для мозга это должно быть также справедливо, какъ и для всякаго другого сосудистаго органа.

Такимъ образомъ всѣ многочисленные труды ученыхъ не привели къ отвѣту на вопросъ: отнимаетъ ли опиумъ кровь отъ мозга или усиливаетъ притокъ ея къ нему, и мы знаемъ на этотъ счетъ не болѣе, чѣмъ зналъ Арганъ, т. е. что опиумъ усыпляетъ. Однако, сонъ отъ опиума не то же, что обыкновенный сонъ и отличается отъ послѣдняго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Часъ или полчаса спустя послѣ приема опиума, вы чувствуете легкое возбужденіе, общее ощущеніе живости и довольства, которое вскорѣ смѣняется состояніемъ настоящей дремоты, причемъ вы скорѣе мечтаете, чѣмъ грезите во снѣ. Вы испытываете известное наслажденіе, забываясь и отдаваясь сладостному онѣмѣнію. Мысли превращаются въ образы, которые быстро слѣдуютъ одни за другими, причемъ вамъ не хочется сдѣ-

латъ никакого усилія, чтобы измѣнить ихъ теченіе. Когда отравленіе не слишкомъ глубоко, это усиліе еще возможно. Вы чувствуете, что сейчасъ уснете, но что если бы вы захотѣли преодолѣть свою лѣнь, то могли бы побѣдить сонъ. Мало-по-малу, однако, ноги какъ бы наливаются свинцомъ, руки висятъ почти неподвижно, отяжелѣвшія вѣки не могутъ болѣе оставаться поднятыми. Вы грезите, заговариваетесь, и тѣмъ не менѣе вы не спите: сознаніе внѣшняго міра, окружающаго васъ, не исчезло. Внѣшній шумъ, постукиваніе стѣнныхъ часовъ, грохотъ экипажей смутно воспринимаются, но, кажется, что весь шумъ расплывается въ туманѣ, что кто-то другой его слышитъ. Ваше я дѣятельное, желающее, сознающее не существуетъ больше, и вы воображаете, что его замѣнилъ другой субъектъ. Мало-по-малу все становится еще болѣе смутнымъ. Вы—совершенно невещественны, вы не чувствуете больше своего тѣла, вы цѣликомъ—одна мысль. Эта мысль, такъ сказать, порхаетъ, становясь все болѣе и болѣе блестящей и въ то же время все болѣе и болѣе спутанной. Затѣмъ внѣшній міръ исчезаетъ, остается только внутренній міръ, иногда мятежный, сумасбродный, вызывающій лихорадочную дѣятельность, иногда же, напротивъ, а чаще всего спокойный и безмятежный, погружающій въ восхитительный сонъ. Особенное

же очарованіе этого состоянія заключается въ томъ, что вы чувствуете себя спящимъ. Это сонъ сознательный, сознающій самого себя: часы бѣгутъ съ волшебной быстротой. Утромъ въ особенности, въ тотъ часъ, когда кажется, что опиумъ истощилъ свое дѣйствіе, тогда какъ въ дѣйствительности онъ сохранилъ всю свою, силу сонъ имѣетъ ни съ чѣмъ несравнимую прелесть. Сознаніе, освобожденное отъ всѣхъ земныхъ узъ, царитъ въ мірѣ спокойныхъ и ясныхъ идей. Это чисто психическое опьяненіе имѣетъ значительно высшую цѣну, сравнительно съ тѣмъ, которое производитъ алкоголь и гашишъ, потому что гашишъ даетъ безуміе на нѣсколько часовъ, опиумъ же даетъ сонъ т. е. благодѣяніе, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Надо испытать страданія отъ бессонницы, чтобы оцѣнить значеніе опиума, надо слышать какъ ночью послѣдовательно проходитъ минута за минутой среди подавляющей тишины, ворочаться на своей постели, путаться въ мысляхъ, не имѣя силы углубиться ни въ одну изъ нихъ, бороться противъ непобѣдимаго безпокойнаго состоянія, которое отъ борьбы лишь усиливается, —это казнь, которую нельзя понять, не испытавъ ее. Макбетъ вполне отдавалъ себѣ отчетъ въ этомъ, когда, послѣ убійства Дункала, страшился бессонницы, которою награждаютъ его угрызенія совѣсти.—Не спи боль-

ше, говорило ему сознание его преступленія. Макбетъ самъ убилъ свой сонъ, невинный сонъ, сонъ, разматывающій спутанный клубокъ нашихъ заботъ, сонъ — смерть повседневной жизни, бальзамъ для раненыхъ душъ, законъ заботливой природы, главное блюдо на здоровомъ пиру жизни....

Имѣя подъ рукой опиумъ, нечего больше бояться бессонницы. Черезъ часъ, много черезъ два болѣзненное чувство уступаетъ мѣсто неопредѣленному возбужденію, переходящему въ ту ясную дремоту, о которой мы говорили. Физической боли не существуетъ болѣе: жестокая невралгія, болѣзненные раны, спазмы или сокращенія мускуловъ, лихорадочное безпокойство при нѣкоторыхъ болѣзняхъ, нравственные и физическія страданія олкогомума, все это уступаетъ мѣсто побѣдоносному вліянію опиума. Если справедливо, что назначеніе медицины главнымъ образомъ устраняетъ боль, опиумъ всемогущее оружіе ея. Какъ часто бываетъ бессильно врачебное искусство! Какъ вылѣчить чахотку, ракъ? Никто не питаетъ надежды восторжествовать надъ какимъ-нибудь изъ этихъ золь, или, хотя бы задержать ихъ распространеніе, но благодаря опиуму мы можемъ по крайней мѣрѣ дать этимъ несчастнымъ страдальцамъ, обреченнымъ на смерть, спокойныя и пріятныя ночи въ теченіи которыхъ они забудутъ

о своихъ страданіяхъ. Располагая хлороформомъ при операціяхъ и опиумомъ при лѣченіи болѣзней, медицина обладаетъ такими средствами могучими противъ всякой боли, что можетъ почти утверждать, что человѣкъ страдаетъ лишь когда онъ самъ соглашается на страданіе.

Отравляя сознание, опиумъ самымъ энергичнымъ образомъ дѣйствуетъ и на чувствительность. Неизвѣстно, дѣйствуя ли на нервъ, передающій возбужденіе или непосредственно на головной мозгъ, но даже не доставляя сна, опиумъ обладаетъ чудеснымъ свойствомъ успокаивать возбуждаемость нервовъ и то болѣзненное усиленіе чувствительности, которое врачи называютъ гиперестезіей. Замѣчено, что, успокаивая гиперестезію, опиумъ не даетъ сна, какъ бы истощая всю свою силу на утоленіе боли. При упорной невралгіи опиумъ легко успокаиваетъ страданія, но необходимъ пріемъ значительной дозы его, чтобы доставить сонъ. Однако, развѣ это не много уже успокоитъ больной нервъ? Нѣкоторые индивидуумы доходятъ до того, что не въ состояніи болѣе обходиться безъ опиума, и могли бы принимать въ огромномъ количествѣ, не испытывая дѣйствія его. Такимъ образомъ опиумъ въ этомъ отношеніи совершенно противоположенъ алкоголю. Алкоголь скопляетъ свои дѣйствія на одномъ

и томъ же объектѣ. Чѣмъ болѣе привыкаетъ человекъ пить, тѣмъ быстрѣе наступаетъ опьяненіе. Привыкнуть пить вино нельзя, но можно привыкнуть къ опиуму, и встрѣчаются несчастные до того злоупотреблявшіе этимъ веществомъ, что они выпиваютъ въ день до литра лаудана, двадцать капель котораго содержатъ уже достаточную дозу этого лѣкарства. Когда человекъ достигъ такой степени отравленія, опиумъ становится для него уже необходимымъ возбуждающимъ средствомъ. Онъ уже не можетъ обходиться безъ него и также болѣетъ отъ недостатка лаудана, какъ и отъ излишняго употребленія его. Я видѣлъ больныхъ, которымъ ежедневно дѣлали подкожныя вспрыскиванія морфина и которые подъ конецъ хорошо переносили до одного грамма морфина. Если доза случайно уменьшалась или еще хуже, если совсѣмъ забывали произвести вспрыскиваніе, съ ними дѣлались тяжелые припадки болѣзни, истинную причину которыхъ не трудно было объяснить недостаткомъ возбуждающаго средства, къ которому привыкъ организмъ.

Въ Китаѣ опиумъ представляетъ такую же насущную потребность для населенія, какъ алкоголь и табакъ въ Европѣ. Начало употребленія опиума относится къ недавнему времени, и это можетъ быть единственное нововведеніе, которое Китай принялъ отъ Запада, съ

чѣмъ его нельзя поздравить; нельзя также похвалить англичанъ, которые всѣми средствами стараются распространять привычку столь же прибыльную, для нихъ, сколько пагубную для китайцевъ. Вотъ цифры, показывающія прогрессивный ростъ торговли опиумомъ: въ 1798 году.—300 тоннъ, въ 1863 г.—300 тоннъ, въ 1866 г.—3903 тоннъ, а въ послѣднее время потребленіе опиума возрасло еще въ большей пропорціи. Весь этотъ опиумъ идетъ изъ Индіи и индійскіе чиновники такъ же, какъ и торговцы извлекаютъ изъ торговли имъ все большія и большія выгоды, по мѣрѣ того, какъ разрастается потребленіе опиума. Опиумъ ѣдятъ, но гораздо чаще курятъ. Экстрактъ опиума кладутъ въ трубку съ длиннымъ чубукомъ; при горѣннн опиумъ вздувается, пристаеетъ къ краямъ трубки и нужно поминутно прочищать иглой отверстіе для притока воздуха. Сверхъ того, такъ какъ опиумъ горитъ съ трудомъ, то нужно имѣть подъ рукой пламя, на примѣръ, свѣчу или лампу, чтобы не даватъ трубокѣ погаснуть.

Число курильщиковъ опиума значительно, но злоупотребляющихъ имъ далеко не такъ много. Самые богатые мандарины, наиболѣе просвѣщенные коммерсанты курятъ опиумъ наравнѣ съ послѣдними изъ куліевъ. Онъ представляетъ тамъ такое же распространенное удовольствіе, какъ у насъ куреніе табаку и

является не болѣе пагубнымъ, по крайней мѣрѣ среди достаточныхъ классовъ, хотя нельзя сказать того же относительно народа. Существуютъ заведенія, специально посвященные опиуму, своего рода курильни, гдѣ за небольшую сумму можно удовлетворить эту страсть. Рѣдко курильщикъ уходитъ оттуда, не опьянѣвъ окончательно, подобно тому, какъ пьяница не оставляетъ кабака, пока не напьется. Конечно, въ такомъ смыслѣ опиумъ опасенъ и по словамъ всѣхъ путешественниковъ, несчастные, которые предаются ежедневно излишеству, скоро доходятъ до страшнаго упадка физическихъ и моральныхъ силъ. Блѣдные истощенные, безкровные, едва тащась, они не находятъ въ себѣ ни капли энергіи, пока новая доза опиума не дастъ имъ искусственнаго возбужденія. Однако весьма вѣроятно, что пагубныя дѣйствія опиума преувеличены: число умирающихъ отъ злоупотребленія имъ незначительно. Многие изъ курящихъ опиумъ, выкуривъ значительное количество его, сохраняютъ въ цѣлости свои умственныя способности. Правда, пищеварительныя отправления рѣдко остаются нетронутыми. Дурное пищевареніе и общее исхуданіе являются обычными послѣдствіями этой вредной привычки. Но какъ бы то ни было Китай еще не накануне своей гибели и, если онъ находится въ состояніи упадка, то не опиумъ тому виной.

У опиума есть антиподъ. Какъ можно человеку дать сонъ, такъ можно дать и бессонницу, и существуетъ другой ядъ, дѣйствующій на сознание въ направленіи диаметрально—противоположномъ. Я говорю о кофе. Кофе сдѣлалъ быструю карьеру, столѣтъ тому назадъ онъ былъ почти неизвѣстенъ, а потому, какъ и всѣ выскочки, имѣетъ своихъ противниковъ и сторонниковъ, но сторонники, очевидно, берутъ верхъ, такъ какъ нѣтъ напитка болѣе распространеннаго.

Всякій можетъ судить о дѣйствиіи кофе. Нѣкоторымъ личностямъ онъ даетъ необходимое возбужденіе при умственной работѣ; у другихъ это возбужденіе выражается въ упорной бессонницѣ, такъ что для нихъ кофе настоящій ядъ, который лишаетъ ихъ самага драгоцѣннаго сокровища. Стоитъ только принять его въ немного большей дозѣ, и онъ возбуждаетъ суетливость, тревогу самага неприятнаго свойства, нѣчто въ родѣ лихорадочной жажды дѣятельности, совершенно противоположной той, которая возбуждается опиумомъ, когда воля, какъ бы лѣниво дремля, мирно созерцаетъ забавы воображенія. Послѣ кофе воображеніе едва ли возбуждается, но за то, повидимому, возбуждается воля: вы торопитесь, не можете спокойно окончить начатаго чтенія, вамъ не сидится на мѣстѣ. Если бы я не боялся быть обви-

неннымъ въ пристрастїи къ отвлеченнымъ теорїямъ, я бы сказалъ, что волевая и сознательныя способности кажутся возбужденными. Вниманіе и память какъ будто въ состоянїи непрерывно напряженїа, между тѣмъ, какъ послѣ алкоголя, гашиша и опиума чувствуется какъ бы усыпленіе вниманїа. Такимъ образомъ кофе даетъ настоящее опьяненіе, утомляющее гораздо больше, чѣмъ дремотное опьяненіе опиумомъ, но ведущее къ тѣмъ же результатамъ. Желая сдѣлать слишкомъ много, сознаніе дѣлаетъ меньше; воля чрезмерно возбуждаясь наноситъ ущербъ самой себѣ. Полное равновѣсіе умственныхъ способностей нарушается столько же отъ излишка, сколько и отъ недостатка воли.

Говорятъ вообще, что кофе производитъ анемію головного мозга, тогда какъ опиумъ и алкоголь усиливаютъ приливъ крови къ этому органу; но эта фізіологическая теорїя основана далеко не на безспорныхъ фактахъ, и необходимы дальнѣшія наблюденїа. Однако, роль кофе въ общемъ питанїи хорошо извѣстна: онъ замедляетъ органическое сжиганіе и такимъ образомъ является „экономической“ пищей, какъ его справедливо называютъ.

Въ нормальномъ состоянїи въ глубинѣ нашихъ тканей происходитъ безконечное множество химическихъ процессовъ, окончательный результатъ которыхъ—производство

тепла и освобожденіе угольной кислоты Эта угольная кислота входитъ въ венозную кровь, а венозная кровь, входя въ легкія, освобождается отъ всей угольной кислоты, которую она содержитъ. Такимъ образомъ количество выдѣленной угольной кислоты является до нѣкоторой степени мѣриломъ дѣятельности питанїа. И вотъ послѣ кофе безъ ослабленїа силъ, безъ необходимости вдыхать больше кислорода или принимать больше пищи, количество угольной кислоты уменьшается, а силы не оказываются уменьшенными. По этому поводу всегда приводятъ въ примѣръ бельгійскихъ рудокоповъ, которые могутъ производить значительную работу, почти не принимая пищи, поддерживая свои силы только кофе. Такимъ образомъ—это умѣритель питанїа, такъ какъ онъ слабляетъ непрерывную дѣятельность химическаго обновленїа, которая совершается въ нашихъ тканяхъ. Можно упомянуть еще о нѣкоторыхъ другихъ веществахъ, аналогичныхъ съ кофе съ этой точки зрѣнїа, особенно чай, кокао. Весьма вѣроятно, что теинъ, кофеинъ и кокаинъ, которые являются главными агентами этихъ пипевыхъ веществъ, имѣютъ между собой аналогію, одновременно химическую и фізіологическую, и что ихъ дѣйствїе на умственные отправленїа почти одни и тѣ же.

Можетъ быть есть еще и другїе яды, дѣйствующїе на сознанїе, а именно белла-

донна и табакъ, но главные агенты, содержащіяся въ этихъ растеніяхъ: атропинъ и никотинъ, дѣйствуютъ преимущественно на мышечныя волокна, а ихъ дѣйствія на мозговья отправления являются вторичнымъ, слѣдующимъ за дѣйствіемъ ихъ на спинной мозгъ. Изучивъ отдѣльно дѣйствіе алкоголя, хлороформа, гашиша, опиума и кофе, намъ будетъ легко резюмировать исторію растройства, которыя эти вещества производятъ въ умственныхъ отправленияхъ. Подобно тому, какъ изученіе растройства отравленій спиннаго мозга подъ вліяніемъ стрихнина, бромистаго калия или атропина даетъ намъ цѣнныя указанія на нормальныя отправления этого органа, точно также анализъ функціональныхъ растройство сознания отравленнаго веществами, которыя извращаютъ его, можетъ доставить намъ неопровержимыя данныя относительно механизма здороваго сознания.

Мы постоянно старались ярко освѣтить тотъ замѣчательный фактъ, что сознание измѣняется всегда въ одномъ и томъ же направленіи. Способности воли и вниманія парализуются, способности воображенія и представленія возбуждаются. Отсюда нѣкоторая двойственность въ нашемъ я: Есть я, которое создаетъ представленія, есть я, которое управляетъ мыслями. Когда недостаетъ руководства, безпорядокъ въ представленіяхъ не-

избѣженъ и иллюзіи и галлюцинаціи являются необходимымъ слѣдствіемъ его. Такимъ образомъ, между умственными силами существуетъ извѣстное равновѣсіе, нарушать которое не слѣдуетъ. Разъ этой гармоніи не существуетъ болѣе, человѣкъ неудержимо отдается безпорядочной мозговой дѣятельности, которая дѣлаетъ для него недоступными ни трудъ, ни умѣренность, ни размышленіе, и превращаетъ его не въ грубое животное, какъ ошибочно выражаются, но въ маниака и въ безумнаго.

Языкъ, являющійся самымъ совершеннымъ выраженіемъ опытовъ и наблюденій, говоритъ, что вино туманитъ разумъ. Разумъ это не воображеніе. Быть въ полномъ разумѣ значитъ вполнѣ владѣть собой, исправлять представленія, получаемыя отъ внѣшнихъ ощущеній и быть верховнымъ судьей ихъ. Это я судить, исправляетъ, это-воля, это также-вниманіе. Эта воля не фантастическое существо и ни оборотъ рѣчи, это нѣчто реальное, дѣйствительное и могучее. Это результатъ предшествовавшихъ привычекъ, унаслѣдованныя силы, скопившіяся въ наслѣдникѣ длиннаго ряда предковъ, и ощущенія, годами собранныя со всѣхъ сторонъ. Воля обладаетъ неоспоримой властью; она заставляетъ мысли слѣдовать по одному постоянному направленію, она, по собственному про-

изволу, опускаетъ ощущенія, получаемыя извнѣ и даетъ представленіямъ опредѣленное направленіе, выборъ котораго въ ея власти. Однако въ головномъ мозгу происходитъ множество актовъ, которыхъ мы не сознаемъ и которые, благодаря ей, проходятъ незамѣченными и не мѣшаютъ намъ. Подобно тому какъ въ толпѣ людей, тѣснящихся вокругъ насъ, есть одинъ, за которымъ мы слѣдимъ взглядомъ, къ которому мы обращаемся, который намъ отвѣчаетъ, не обращая вниманія на другихъ, окружающихъ насъ, такъ и въ толпѣ нашихъ мыслей есть такая, которую мы избираемъ, въ которую углубляемся, упорно изучаемъ, причемъ другія мысли, жужжащія вокругъ насъ, не могутъ отвратить насъ отъ нея и заставить насъ забыть цѣль, которую мы преслѣдуемъ.

Вотъ въ чемъ величіе человѣческаго сознанія: оно не только даетъ представленія, но является своей собственной госпожей и верховной властительницей. Когда при помощи какогонибудь ядовитаго вещества измѣняется эта способность, сознаніе теряетъ то, что есть въ немъ самаго возвышеннаго и самаго могущественнаго. Пожалуй, можно было бы подумать, что возбужденіе представленій благотѣльно дѣйствуетъ на работу воображенія и что нѣкоторые творятъ лишь при подобныхъ условіяхъ; но это было бы погубное

заблужденіе. Потерять власть направлять свои мысли—много потерять; тогда какъ усилимъ твердой воли, становящейся еще болѣе твердой, благодаря привычкѣ къ труду и размышленію, можно достигнуть болѣе вѣрнаго и столь же блестящаго результата. Мы еще не вполне сознаемъ на что способно вниманіе и что можетъ дать намъ воля. Хотѣть значитъ мочь. Вниманіе сосредоточенное на одной какой-нибудь мысли дѣлаетъ ее на столько яркой, что у извѣстныхъ особъ при извѣстныхъ условіяхъ, оно можетъ облечь ее въ воображаемую форму съ такимъ же блескомъ, какъ если бы сознаніе было возбуждено алкоголемъ или опиумомъ. Такимъ образомъ опьяненіе не даетъ той компенсаціи, которую въ немъ думали видѣть. Эго зло не соединенное съ благомъ; противъ злоупотребленія этими страшными ядами, которые разрушаютъ тѣло и разумъ, должны бороться всѣ, кому дорого будущее человѣчества.

Но человѣкъ не ангелъ и не животное. Если онъ долженъ охранять свою волю неприкосновенной и не уничтожать ее ядами, онъ также долженъ уважать и культивировать свои безсознательныя, почти инстинктивныя способности, которыя составляютъ другую половину эго самого. Отдаваясь одному своему разуму, онъ былъ бы не совершеннымъ существомъ, какъ бы смѣшнымъ эгоистомъ,

изолированнымъ и отъ человѣческаго общества и отъ природы, *Tabula rasa* ¹⁾), которую стоики хотѣли сдѣлать изъ человѣческихъ страстей— вещь не только химерическая, но, если бы она была возможна, столь же пагубная, какъ и забвеніе разума. Чувства, страсти, всѣ эти невольныя движенія души, всѣ эти способности къ блестящимъ представленіямъ, которыя дремлютъ въ темнотѣ, въ углу сознанія и которыя воля можетъ пробудить, не являются недостаткомъ человѣческой организаціи. Природа вложила въ насъ ихъ и будучи далеки отъ покорнаго подчиненія имъ, мы должны гордиться ими, развивать и укрѣплять ихъ. Совершенное сознаніе—равновѣсіе между волей и страстью: не слѣдуетъ заглушать одной въ пользу другой, нужно уважать ихъ обѣ, укрѣплять ихъ привычкой и размышленіями, чтобы передать нашимъ потомкамъ прогрессъ, котораго мы достигли надъ самими собой.

¹⁾ Чистая доска.